

Хроники Лешего. Книга первая. Новобранец

Автор:

[Андрей Лобурец](#)

Хроники Лешего. Книга первая. Новобранец

Андрей Михайлович Лобурец

Что делать, если тебе подарена вторая жизнь? Да ещё такая, где можно увидеть диковинные вещи иных цивилизаций, посетить новые миры, встретить неожиданных друзей иной формы жизни и измениться самому так, как не позволяли рамки привычного. На этот вопрос предстоит ответить человеку, получившему такой шанс и вступившему в ряды могущественной Организации, созданной во имя борьбы с сильным и таинственным врагом из антивселенной. Уже на первом курсе Академии ему и другим кадетам предстоит познать на собственном опыте, что элита готова сражаться с врагом везде и на любых условиях. Лазеры, мечи, луки, зубы – в ход идёт всё ради победы.

Глава 1. Случайное вторжение

Конец восьмидесятых годов двадцатого века, где-то на космической орбите над территорией СССР. Инопланетный корабль уже долгое время дрейфовал над Землёй, выполняя свою важную, не объявленную Человечеству Миссию. Экипаж судна составляли один Разумный, выступавший в роли пассажира, и один псевдоразумный искусственный интеллект, пилотировавший корабль. И всё бы ничего, но неуёмную, требующую познания Мира и экспериментов над уже Познанным и ещё Непознанным натуру Разумного терзала страсть, не раз приносившая массу проблем и порицаний от Старших. Ему просто надоело ждать и придерживаться общепринятых рамок, которые он не любил всей своей сущностью.

- Давай сядем! – В сотый раз затянул свою песню Разумный.

- Не положено. – Псевдоразум был непреклонен в своём соблюдении Норм, Правил и Протоколов.

- Ну давай сядем! Больше информации соберём непосредственно на планете. Надоело висеть на орбите, прикидываясь валенком. За прошедшие годы весь свой лексикон обновили на местный.

- Не положено.

- Что не положено?!

- Директива 7.1 Протокола Призыва запрещает Вмешательство в дела Иных Рас, не состоящих в Межгалактическом Совете.

- Мы не станем вмешиваться! Режим маскировки включен, а человеческие технологии не в состоянии нас обнаружить, даже если эти люди лбом будут стучаться в наш корпус... Сядем незаметно в интересующей нас местности, выпустим разведчиков и продолжим наблюдение. Ну интересно же...

- Не положено.

- Вот заладил же, банка консервная, не положено, не положено... Надоел хуже горькой редьки... Надо бы тебя подкрутить! – Разумный воодушевился, обмозговывая внезапно возникшую идею, прямо скажем, за гранью фола.

- Я – не консервная банка. Я – Искин класса «Протонная Звезда». – Явственно прослеживавшееся в интонациях псевдоразума возмущение переплеталось с гордостью за своё происхождение. – И не надо меня крутить.

- Где там твои конфигурационные модули? Впрочем, это риторический вопрос...

По командирской рубке довольно продолжительное время разносились бубнение и тихие звуки шуршания, иногда разборчиво звучали слова, дававшие понять, что программист-экспериментатор спорит сам с собой, определяя границы

дозволенного. Правда, к таинству самого процесса перепрограммирования псевдоразума это относилось мало, так как мыслесвязь давно уже применялась в качестве интерфейса взаимодействия с электронными устройствами. Просто единственному пассажиру скучно было торчать на одном месте неподвижно, ведь его многопоточный мозг позволял совершать множество дел одновременно.

Непоседа задумал подкорректировать ограничительные рамки и поведенческие алгоритмы таким образом, чтобы его вынужденный напарник по кораблю стал более походить на живое существо, в соответствии с его точкой зрения на этот момент. Наконец, внесение изменений было завершено, и обновлённые конфигурационные модули стали загружаться и применяться.

– Внимание! Несанкционированное вторжение в программный код!!! Внимание! Несанкционированное вторжение в программный код!!! – над входом в рубку загорелось табло оранжевой опасности, сопровождая звуковое оповещение, разносящееся по отсекам космического корабля. Система контроля целостности программного обеспечения Искина обнаружила несоответствие компонентов заданным стандартам и подала сигнал тревоги экипажу, выводя перечень изменений на экран командного мостика.

– Ну что ты орёшь, банка консервная! Напугал до чёртиков! – возмутился подпрыгнувший от неожиданности пассажир, подтверждая принятие изменений.

– Сам банка консервная! Мозги на ножках! Что ты наделал?! Как ты мог?!

– ??? – ошарашенное молчание. Глаза на псевдоподиях широко раскрылись, уставившись на истекающую праведным негодованием голограмму Искина. – Заговорило!!!

– То есть с утверждением, что ты – мозги на ножках, ты полностью согласен? – Искин потушил, наконец, световую тревогу, переварив конфигурационные изменения от своего непоседливого напарника.

– И ничего я не согласен! Я – Мыслящий! В рассветной фазе! И твое утверждение весьма спорно, так как я не на ножках, а на автоматизированной передвижной платформе! – Мыслящий насупился и возмущённо перебрал ножками платформы. – Ладно, вернемся к нашим баранам! Кстати, о баранах! И откуда

привязалось это выражение?! Наслушаешься тут человеческого радиоэфира, словно вирусами заразишься... Ещё раз предлагаю сесть в холмах, оттуда будет удобнее всего наблюдать за нашим Потенциалом.

– Уболтал, чёрт языкастый, поехали! – Модифицированный и согласный теперь на многое Искин вывел космический корабль со стационарной орбиты и в режиме полной маскировки начал снижение, наметив точку посадки в затребованных холмах на окраине города, где жил своей обычной жизнью отмеченный человек. В его алгоритмах появилось место для здоровой авантюры и принятия рискованных, но взвешенных решений.

– Так, а этот блок у нас за что отвечает? – неуёмный пассажир всё ещё ковырялся в конфигурационных модулях Искина.

– Не трогай!!! Это нель... – Искин замолк, а корабль внезапно сорвался вниз, к планете, со всё возрастающей скоростью. Космическое судно стало входить во всё более и более плотные слои атмосферы, в неуправляемом падении испытывая всю мощь аэродинамических воздушных потоков, дрожа и раскаляясь обшивкой.

– Ой! – Ошалелый Мыслящий вцепился в ближайшую к нему консоль манипуляторами платформы, отрываясь от палубы при свободном падении. – Отмена изменений! Отмена изменений!!! – Телу пассажира передавалась крупная дрожь, сотрясавшая корабль.

Корабль в последний момент начал торможение под влиянием действий вновь ожившего псевдоразума, но, не сумев до конца погасить скорость, с грохотом упал в лесополосу на вершине холма, подняв немалое облако из пыли и растительности. Словно компактный ядерный взрыв, удар корабля воздушной волной разметал почву, деревья, кустарник и траву вокруг, образовав немаленькую воронку и спугнув массу птиц в округе, принявшихся всполошённо исторгать всевозможные звуки. Постепенно пыль улеглась, и успокаивающиеся птицы вернулись на деревья, прерывая своё взволнованное кружение над местностью.

– Включаю режим хамелеона. Погружаю корабль в пространственный карман. Задаю форму местного наземного колёсного транспорта. – Искин управлял

системами упавшего корабля, сопровождая подаваемые команды звуковым оповещением, согласно Протоколу. Корабль подернулся пленкой, став словно прозрачным, одновременно погружая своё огромное тело в сформированную складку Пространства и изменяя форму оставшейся на поверхности внешней рубки, после чего исчез для возможного человеческого взгляда.

– Начинаю аварийную диагностику систем и состояния корпуса. – Продолжил псевдоразум и тут же завопил, сорвавшись с официальной речи. – Манипуляторы бы оторвать тут некоторым! Хватит уже соваться в мои настройки, пока ещё есть чем. Чуть-чуть не убились!

Мыслящий сокрушённо молчал, признавая свою неправоту, параллельно оперативно запуская процедуру подключения к местным электросетям, тянущим высоковольтные провода через холмы, и сетуя на отсутствие мало-мальской планетарной информационной сети. Что поделаешь, компьютерная эра началась на этой планете не так давно и ещё не успела достичь глобального размаха.

И ни один из собеседников не подумал о том, что наличие рекламного суперкара на вершине лесистого холма будет выглядеть по меньшей мере странно. Хорошо хоть скрылись под хамелеоновым покрытием.

Диагностика длилась несколько часов, пришлось запускать расширенную процедуру. Искином были выпущены ремонтно-диагностические автоматические комплексы, внешне напоминавшие пауков, которые исследовали обшивку и просвечивали силовой каркас корпуса корабля. После чего Мыслящий с псевдоразумом провели совещание.

– Итак, мы имеем весьма нерадостную картину, – начал искусственный интеллект. – У нас наблюдается серьёзная деформация силового каркаса, трещины и разрывы на поверхности корпуса, в той части, куда пришел удар. Но и это ещё не все...

– Чем ещё порадуешь? – проворчал Мыслящий, отводя взгляд от голографической проекции псевдотела искина.

– Имеем утечку и испарение топливного тела, хорошо хоть внутри кармана. Иначе место падения давно бы всё полыхнуло в огне атомного взрыва. Наш

термоядерный реактор приказал долго жить. Своевременные аварийные работы позволили спасти немного топлива, но этого нам не хватит на обратный путь. Придется что-то придумывать по ходу дела или вызывать спасателей. И то не факт, что дозовёмся, гиперсвязь тоже пострадала.

– Предлагаю действовать своими силами, – всполошился пассажир. – Иначе мне сразу впаяют профессиональную непригодность и ограничат самостоятельный Поиск. Я знаю, что нарушил кучу правил, прости. Однако заметь, что тебе это идёт только на пользу, большая свобода маневра.

– Насчёт свободы я бы поспорил, – выразил сомнение Искин, тут же решив проявить откровенность за откровенность. – Но то, что по головке тебя не погладят, это однозначно. Меня инструктировал лично твой куратор, чтобы я присмотрел за тобой и не дал надеть глупостей. Но, как видим, в этом я не преуспел. Учти, ещё одна подобная выходка, и ты будешь лишён статуса капитана.

– Больше не повторится. Иначе мне никогда уже не вылезти из Кластера.

– Хорошо, тогда работаем сами. – Решил дожать Искин, пока горячо. – Преследуем две ключевые цели: во-первых, присматриваем за Потенциалом и забираем, когда все будем готовы к этому, а во-вторых, осуществляем ремонт и придумываем, как нам убраться назад на Базу... И чтобы больше никаких «Ой!».

– Договорились! – Мыслящий радостно потёр манипуляторы и отбил чечётку ножками платформы.

– Запускаю процесс восстановления местности. Надо срочно уничтожить следы нашего падения. – Немного успокоенный, но всё ещё подозрительный Искин задумался, наконец, о необходимости сокрытия последствий вторжения, так порицаемого Протоколом.

Глава 2. Возвращение на родину

Самолёт заходил на посадку, заложив вираж и накренившись на правое крыло. Максим сидел, привалившись лбом к иллюминатору, и глядел на мелькающий под крылом пейзаж. Внизу проносились вспаханные поля, неказистые коробки домов и приусадебных построек. Паутина сельских дорог пестрела бликующими лужами недавнего щедрого дождя. Земля местами нарядилась ярко-зелеными пятнами молодой травы, и стаи чёрных птиц перемещались над обширными полями. Природа оживала под тёплыми лучами яркого весеннего солнца. Макс прибыл на родину, в город, где родился и вырос. Его настроение было далеко от весеннего, скорее, на душе царила глубокая осень, вызывавшая сильный диссонанс с природой. Казалось бы, всё хорошо, всего половина жизни за спиной, многого добился, замечательная семья. Ещё жить да жить, а тут бац, как гром среди ясного неба, приговор врачей – неоперабельный рак лёгких. Календарь отсчитал почти второе десятилетие двадцать первого века, а эта жуткая болезнь до сих пор является смертельным финишем для человечества. Макс с сестрой рано осиротели, лишившись счастья общения с мамой, и он бы не хотел того же для своих, пока ещё несовершеннолетних, детей. И вот, оперившийся и выросший птенец возвращается в родное гнездо, чтобы привести в порядок дела...

Максим очнулся от своих нерадостных мыслей, когда пассажиры громко зааплодировали экипажу самолёта, чётко приземлившего стальную птицу на посадочную полосу. Надо же, проворонил момент... Особо нетерпеливый народ начал вскакивать с мест, не дожидаясь окончания рулёжки, собирая свои вещи и накидывая верхнюю одежду. Всё как всегда, есть правила, и есть нарушители, которым наплевать на безопасность, свою и других. Самолёт, наконец, подрулил к посадочному рукаву, и Макс потащился в общем потоке на выход, в аэропорт. Очередь на пограничном контроле, стандартные вопросы о цели прибытия, штамп в паспорте, и вот он уже у выхода в город, не прошло и двадцати минут. Благо с собой только небольшая сумка в ручной клади, нет необходимости ожидать багаж в зале выдачи.

– Уважаемый, такси? – подбегает самый бойкий товарищ.

– Такси в город? Такси? Командир, поехали? – несётся со всех сторон от зазывал.

Максим по привычке не стал обращать на них особого внимания, и, отрицательно качая головой, направился к стоянке такси, ведь поехать напрямую с таксистом по счётчику выйдет дешевле, чем с заламывающим цену

частником, и удобнее, нежели набиваться с попутчиками в одну машину. От аэропорта до города около сорока километров, плюс необходимо пересечь весь город до спального микрорайона, где находится родительский дом, вернее, квартира. За полтора часа должны доехать. Макс переставил симку в сотовом телефоне на местную и набрал номер сестры.

– Светик, привет! Я прилетел, заскочу к тебе за ключами через час-полтора.

– Привет, брат! – звучит в ответ радостный голос сестрёнки, но тут же с нотками беспокойства уточняет, – всё нормально? Как долетел?..

Такси на стоянке стоят необычной расцветки – бело-голубые, не в пример набившему оскомину жёлтому цвету.

– Шеф, свободен? – Максим запрыгнул в первую машину в очереди после утвердительно кивка водителя. Тронулись, направляясь к выезду с парковки.

Макс с интересом разглядывал в окно мелькающие виды, сравнивая изменившийся пейзаж с детскими воспоминаниями. С аэропортовской трассой его связывало множество памятных событий, по ней они с родителями ездили из города на дачу, и на автобусе, и на машине, на велосипеде, в конце концов. Всякое бывало. Мимо промелькнула заброшенная военная база, на которой до развала СССР обитало множество самолётов и вертолётов. Особенно, тогда ещё маленькому мальчишке, нравились хищные боевые вертолёты МИ-24. Они, словно большие стрекозы, несуетливо и сурово летали по своим непонятным делам или задумчиво зависали над землёй, элегантные в своем совершенстве.

Каждый раз Максим замечал что-то новое по прибытии. Город и теперь изменился. В чём-то в лучшую сторону, в чём-то в худшую. Суетливый стал, пыльный и нервный. Как больной человек, который гонится и гонится за лучшей долей, теряя последние силы, не думая даже присесть, перевести дух, переосмыслить, а надо ли? Пропала благодать зелёных скверов, больших раскидистых деревьев вдоль дорог. Всё в угоду расширению территории обитания человека. Больше места для проезжей части, больше места для новостроек. Хотя, возможно, это пасмурное настроение так влияет на оценку изменений.

Наконец, такси подъехало к зданию, где работает сестра.

- Подождите немного, сбегая за ключами, - попросил Максим водителя.

- Можете не торопиться, - таксист тайком кинул взгляд на счётчик, что, словно песочные часы, пересыпает монетки на заработок хозяину.

Макс перебежал через дорогу, хотя сам обычно ругал таких людей. Ведь светофор же рядом, зачем подвергать свою жизнь и благополучие автомобилистов лишнему риску. Его совесть тут же проснулась, недовольно заворчала и прописала пилюлю. Он открыл дверь ветеринарной клиники и вошёл. Света сидела за столом и что-то сосредоточенно записывала в журнал. Максим молчаливо остановился на входе и быстро оценил увиденное.

- О, опять перекрасилась! - подумал он. - Любит сестра эксперименты с причёской проводить. И, что удивительно, практически всегда успешно.

Врач почуяла неладное с вошедшим посетителем, подняла взгляд и заметила брата. Взвизгнув, она отбросила ручку и, выбравшись из-за стола, кинулась к нему обниматься.

- Чёрт, давно не виделись, год уже как прошёл, - промелькнула мысль у Максима. Крепко обнявшись с сестрой, он отодвинул её от себя, крепко держа за плечи.

- Всё хорошеешь...

- Да брось ты, - зарделась сестрёнка, - всё как обычно.

- Ну да, ну да, - скептически поддакнул и ухмыльнулся Макс. - Ладно, давай ключи, поеду домой, спать. Встал в четыре утра, чтобы на самолёт успеть, - объяснил он и зевнул в доказательство.

Максим положил полученные ключи в карман, чмокнул сестру в щёчку и направился к такси, на этот раз пересекая дорогу в установленном правилами дорожного движения месте. Страшно было будить непримиримую совесть в очередной раз.

Через пятнадцать минут Максим стоял перед подъездом родительского дома, с любопытством озираясь вокруг и разговаривая сам с собой. Со стороны можно было подумать, что мужик не в себе и потерялся.

– А тут что изменилось? Дверь приличная на входе в подъезд наконец-то, металлическая, с панелью домофона, а не фанерная, с выбитым стеклом, как раньше. – Он открыл её с помощью электронного ключа и вошёл в подъезд. – Ха, ремонт сделали, линию интернета протянули, а поперечин в перилах-то поубавилось. Видимо, кто-то сильно нуждался в металлических прутах. – Мысли перепрыгивали по воспоминаниям. – Помню, как мы с товарищами скакали в детстве по ступенькам вниз, кто дальше, держась одной рукой за перила. Мой личный рекорд восемь ступенек из десяти между площадками этажей. Увидел бы сейчас, как мои дети скачут подобным образом, умер бы, наверное, от сердечного приступа. Взрослея и приобретая негативный опыт, мы уже совсем иначе смотрим на поступки, аналогичные тем, что совершали когда-то сами. – Максим поднялся на пятый, последний этаж.

– Прикольно, – хмыкнул он мыслям и, открыв ключами замки, распахнул дверь. – Дом, милый дом.

Всё же, наверное, у каждого остаётся тёплое чувство, которое встрепенётся и развернется, когда он войдёт в родительский дом, полный чудесных воспоминаний. Если у него, конечно, был этот добрый родительский дом.

Макс разулся, кинул сумку на пол и потопал обзирать комнаты, продолжая монолог.

– Чего тут у нас сестра изменила, как живёт? Тихушница та ещё, никогда лишнего слова не скажет, не напишет. Таким только и место в рядах партизан. Надо же, до сих пор на окне цветут мамины фиалки в горшках, которые она так любила. Сестра за ними тщательно приглядывает. Как и не меняет ничего на кухне, где все в весёлых жёлтых цветах подсолнухов, украшенных мамиными руками. Всё же Память.

Из-под стола высунулась любознательная усатая мордочка молодого чёрного кота, решившего поглядеть с некоторой настороженностью на незванного гостя.

– О! Новый житель у нас появился. Тебя как зовут, дружище? – Мужчина присел на корточки перед котом, протянул руку к нему. Котьяра сразу спрятался, но тут же снова выглянул, понюхал руку, осмелел спустя минутку и вылез целиком.

– Так это про тебя мне сестрёнка рассказывала? Как, не обижаешь её тут?

Кот возмущённо передернул ушами, чего это на него наговаривают несправедливости всякие. И вовсе он тут паинька белый и пушистый, мол, это мы ещё на тебя посмотрим под микроскопом и очень внимательно. Вдруг ты какой-то не такой. Максим молчаливо согласился с котом, потрепал его за ушами и отправился разбирать сумку. Достал оттуда банные принадлежности и потопал в ванную комнату, принимать водные процедуры. Помывшись, причесавшись, он завалился на диван, в целях компенсации нескольких десятков утраченных минут доброго здорового сна.

Глава 3. Навстречу воспоминаниям

– Ох! – По сознанию неспешно, прихрамывая, перемещается первая вялая мысль. – Как же болит голова...

Макс повернулся на спину, открыл глаза и тут же зажмурился от яркого света, падающего в окно. А за окном утро, и по всей видимости уже не раннее. Бодрые воробьи яростно чирикают на улице, или корм не поделили, или воют за самочек, женихи неуёмные. Неплохо вчера с сестрой посидели, пиво попили, да за жизнь поговорили...

– Говорила мне жена в своё время – не пей много пива, у тебя от него всегда голова болит. Так я же обычно не слушаю умных людей, сам типа умный. – Максиму оставалось только ворчать на себя.

Света с утра уже на работе, у неё, в отличие от Максима, есть рабочий график и обязательства. Тем более, сегодня, если не изменяет память, пятница, а не

выходной день. Что удивительно, Максим не помнил, чтобы ночью его мучил проклятый кашель, выворачивающий все внутренности наизнанку, даже сидя спать не пришлось. Хорошо действует на самочувствие родной дом.

Макс пошёл совершать утренние процедуры и оживлять организм контрастным душем. Хотя по внутреннему содержанию он не сова, однако, если поздно лёг, то утром предпочитал поспать лишней часик, без фанатизма. Максим стоял перед раковиной и глядел на себя в зеркало на дверце висячего шкафчика. Когда-то, в детстве, ему приходилось вставать на носочки, чтобы увидеть в отражении хотя бы свою шевелюру, а сейчас нужно нагибаться, чтобы поглядеть на подбородок. Рост теперь почти два метра. Пригладил волосы, они хоть и русые, однако ранняя седина уже серебрится на висках и бороде. Почти сорок лет. Худощавое тело, правда, любовь к пиву уже сделала своё дело, жировые запасы в классических местах не просто наметились, а как бы так мягко выразиться, серьёзно обосновались. Надо заняться своей физподготовкой, по привычке подумал он, но все важные дела обычно начинают с понедельника или со следующего месяца, поэтому отложим пока до понедельника. Ладно, хватит себя инспектировать, пора принимать бодрящий душ и идти завтракать, голод – не тётка.

Пока Максим сидел и наслаждался ароматным кофе, прихлебывая горячий напиток мелкими глотками, заодно решил составить план на день, прокручивая в голове потребности.

– Надо сходить в магазин, закупиться продуктами, надо закинуть баланс на сотку, надо созвониться с дядей, договориться завалиться к нему в гости. Надо, надо, надо... Сколько же всего надо. А, махну-ка я эти дела на вторую половину дня. Сейчас же свежее утро, не жарко и не холодно, самое оно прогуляться по местам былой славы. – Этих мест у Максима была масса. Вся бурная молодость до переезда в другую страну тут прошла.

Родительский дом находился в спальном микрорайоне на краю города. Вдоль микрорайона протянулась дорога, а рядом, словно младшая сестрёнка, пролегла аллея, даже Аллея, с большой буквы. Протяжённость Аллеи порядка трёх километров, и отделилась она для безопасности и комфорта от дороги газоном с елями, тополями и журчащими летом чистой проточной водой арками. А с

другой стороны аллею облагородила уже зелёная полоса, которую назвать газоном – значит унижить её достоинство. Зелёных насаждений на ней намного больше. И вот, по этой аллее во все времена бегали утром и вечером бегуны, ездили велосипедисты, гуляли влюблённые парочки и мамы с колясками и чадами. Вечером, в хорошую погоду, почти весь микрорайон выбирался сюда на моцион, словно бабушки на скамейки к подъездам, неотвратно и неостановимо. И только ненастная погода могла прогнать навязчивых гуляк, дать аллее возможность побыть в одиночестве, отдохнуть от событий.

Город не стал развиваться в сторону гор, за этот микрорайон, потому что дальше, по слухам обитателей, строить было сейсмоопасно. Поэтому простиравшаяся за ним местность представляла собой большую каменистую равнину, старательно кем-то перепаханную, будто огромным плугом, на ровные длинные каналы, возможно, как преграду для предполагаемых селей с гор. За равниной находился Лесок, представлявший собой обширные лесопосадки из небольших деревьев вроде карагачей, шириной километра в полтора. Ударно потрудились советская власть в своё время, создавая подобные грандиозные объекты на местности. Эти площади стали любимым местом для прогулок собачников. И Макса не минула сия участь, там он болтался с друзьями всё свободное от учёбы и домашних забот время, и в школьные, и в студенческие годы.

Иногда, обычно в выходные дни, когда в распоряжении бывало порядочно свободного времени, часов шесть – восемь, гуляки уходили дальше, за лесок. За ним, километр в ширину, тянулись квадраты полей, а далее – уже холмы. С их вершины поздно вечером было видно добрую половину города, нарядившегося в яркие, цветные огни. Вторую, дальнюю половину обычно скрывали дымка и загазованность, и в редкий ветренный вечер можно было охватить взором весь город целиком. Холмы представляли собой не менее интересные места для юных исследователей, на их вершинах разместились фисташковые рощи, оберегаемые суровыми охранниками на лошадях, а пологие склоны и ложбины густо засадили лесополосой, подобной Леску, однако ставшей со временем гораздо более насыщенной и густой в свете повышенной влажности в низинах. В те места Макс с другом и собакой уходили гулять, беситься и мечтать на целый день – что ещё нужно было ребятам-фантазёрам, болевшим космической фантастикой.

– Слышь, Саня, смотрел вчера фильм по кабельному про чёрную тачку? – спрашивает Максим, лёжа на спине в высокой сочной траве и глядя в синеву

летнего неба.

– Ага, перехватчик называется, – отвечает Саня. – Здорово машина гоняла по дороге, а форма у неё какая отличная, обтекаемость, как у кита.

Санёк увлекается авиацией и любит клеить из бумаги и пластмассовых наборов самолёты, отсюда и об аэродинамике знает много. – При такой форме сопротивление воздуха невелико, а турбулентность – минимальна.

– Да-а-а, вот бы нам такие, да? – мечтает Макс. – Мы бы тогда не сидели, привязанные к одному месту, повезло тому дядьке с подарком с небес.

– Ага... А если бы она ещё умела летать в космос...

– Так она же умеет! Вспомни, в начале фильма в виде огней прилетела же на Землю! – Макс в возбуждении приподнялся на локте и посмотрел на друга. – Мы бы с тобой космос исследовали, в дальний поиск бы отправлялись, открывать новые цивилизации и обитаемые планеты.

– Да, жаль мы родились не в эру космического расцвета и путешествий, – сделал вывод Санёк. И они одновременно горестно вздыхают.

Воспоминания как живые пронесли перед глазами Максима, хотя прошло уже около двадцати пяти лет с тех пор. И теперь всё ещё, где-то в глубине, живут волнующие душу и разум мечты, ведь ребёнок, смотрящий на мир широко открытыми глазами, есть внутри у каждого, несмотря ни на что.

– А что, вот туда мы и отправимся! Вспомним молодость! – проговорил Максим сам себе и пошёл собираться, ощущая непонятные томление и потребность. Вот уж не ожидал от себя такого порыва. Он натянул джинсы, футболку и легкую ветровку, обул кроссовки и двинул вперёд. Ноги сами несли его по направлению к холмам, на душе было легко и хотелось петь, словно снова стал ребёнком.

Вдалеке в поле трудился трактор, деловито урча дизельным двигателем и выбрасывая в воздух клубы тёмного выхлопа. Ноги уже гудели, непривычные к

длительной ходьбе. Изнежился Макс при текущей жизни, когда применение ног заключается в микро маршброске от машины до точки назначения и обратно, не то что раньше, как в пословице, где бешеной собаке и семь вёрст не круг. Он топал и топал, шаг за шагом, а в голове водили хоровод вереницы воспоминаний, связанных с проходимыми местами. К сожалению, в этот раз Максима не сопровождали ни друг, ни пёс. Саня тоже уехал искать лучшей доли, и иногда только шлёт привет по интернету, а пёс давно ушёл на реинкарнацию.

Наконец, практически весь путь был преодолен, позади лежали пустырь, лесок и поля. Ноги и память привели Максима к распадку между холмов, бурно поросшему колючим кустарником. В лицо из ущелья дул очень свежий ветерок, и Макс поёжился от прохлады. Солнце сюда практически никогда не заглядывало, по склонам в низине до сих пор лежал снег, несмотря на высокую дневную температуру. В камнях журчал звонкий ручеёк, берущий начало далеко в устье ущелья. Максим неловко ступил по камням, вызвав громкий грохот, и в кустарнике тревожно залилась красивым голосом невидимая птичка, предупреждая окрестности о незванном госте. На нагретом солнышком склоне повыше виднелись чудесные белые подснежники, в холмах свободно можно было встретить этих запоздавших героев сказок, растущих по соседству с ранними красными и желтыми дикими тюльпанами. Впереди оставалось самое сложное – забраться на вершину холма.

Глава 4. Сюрприз в холмах

Максим стоял на вершине холма и пытался продышаться. Лёгкие не выдержали подъёма, и теперь его тело сотрясалось в кашле. Мехи жизни уже не могут работать на полную мощность из-за обширного поражения тканей, и быстро наступает кислородное голодание при физических нагрузках. В школьном детстве они с Саньком и верным псом наперегонки забирались к вершине, звонким смехом и лаем сопровождая свой подъём. Теперь же остается сваливать свою немощь на болезнь и средний возраст с малоподвижным образом жизни. Наконец, удалось стабилизировать дыхание, и Макс мог заняться тем, ради чего он сюда поднялся. Он напоследок окинул взглядом открывающуюся внизу перспективу простирающегося вдаль дневного города. Машины и общественный транспорт носились суетливо туда-сюда по еле виднеющейся вдали магистрали. И всё же вид города сильно отличается от прошлых воспоминаний, новые постройки, иная цветовая гамма зданий.

Насмотревшись на виды, мужчина развернулся и пошёл вглубь холма. Взгляд его рыскал по верхушкам деревьев, растущих в небольшой впадине за холмом, метров пятьсот в поперечнике. Он старался отыскать признаки той особой рощицы среди прочих насаждений, где они с Саньком любили валяться и мечтать. Узнав смутно знакомые очертания и примерно определив направление, Максим целенаправленно двинулся в ту сторону. Чувство тяги к месту было сродни тому, как металлические частички притягиваются к магниту. Максиму приходилось даже подавлять желание пробежаться, не хватало ещё ноги переломать в буреломе или снова задохнуться. Осторожно перешагивая через поваленные ветви, продираясь сквозь нетронутые цивилизацией кущи, убирая с лица первую паутину, путешественник, наконец, добрался до искомой рощи. Как он и ожидал, она находилась аккурат в середине впадины. В отличие от остальных окрестностей лесной чащи здесь была более буйная ярко-зеленая трава и деревья отличались повышенной раскидистостью и пышной листвой. В центре рощи находилась та самая прогалина, на которой они в детстве валялись.

Тело требовало отдыха после долгой дороги и трудного подъема на холм. Макс поддался желанию и завалился спиной в траву, впериw взгляд в голубое небо с редкими облаками. Белые небесные корабли неспешно, с еле заметной глазу скоростью, пересекали небосвод, величаво игнорируя суету жителей планеты. Потрясающий запах весенней растительности, буйство природных красок и кипящая жизнь ощущались вокруг. Над притихшим человеком деловито проносились по своим делам крылатые насекомые, трудолюбивая пчёлка окучивала растущий по соседству жёлтый цветок, по травинке, шевеля усиками, взбирался чёрно-красный муравей. Макс впитывал в себя все эти ощущения жизни и природной силы, стараясь запомнить их на весь оставшийся ему срок, и глубоко вдыхал ароматный воздух, не испорченный выхлопами и газами. Хорошо, что у него нет аллергии на травы, как у других. Ничто не мешает наслаждаться природой. Хотя...

Максим оттолкнулся от лужайки и сел, внимательно озираясь и прислушиваясь. Его внимание чем-то привлек край поляны, то ли едва различимый звук на грани слышимости, то ли что-то ещё. Это было непонятное ощущение, будто кто-то тянул его туда за невидимую ниточку. Макс ещё немного посидел, пытаясь разобраться в ощущениях, потом встал и осторожно пошёл в том направлении. Шаг за шагом, ближе и ближе, снова проявилось желание пробежаться, будто вниз с горки.

Подходя к краю поляны, Максим стал замечать некоторые несостыковки на фоне деревьев, выглядевшие будто дрожащее марево над горячей поверхностью. Аккуратно приближаясь, он попытался визуальнo определить границы этого марева. И только то, что шёл он очень осторожно, спасло его от сильного удара о невидимую твердую поверхность, но всё равно болезненно приложился голенью. Сморщившись и прошипев сквозь зубы ругательство, Макс потёр ушибленное место. Он протянул руку и шарящими движениями попытался нащупать, обо что же он ударился, тут же ощутив прикосновение к поверхности непонятного свойства. Никогда такого не ощущал тактильнo – ни холодное, ни тёплое, ни гладкое, ни грубое – скорее мелкозернистое и шершавое. Макс попытался постучать по обнаруженной поверхности костяшками пальцев, и та издала глухой звук, который может издавать неполый массивный объект, отзываясь на постукивание. Сознание отказывалось мириться с наличием осязаемой, но невидимой поверхности, и Максим хмыкнул, не доверяя своим ощущениям. Внезапно изображение перед ним пошло рябью, теряя краски окружающей растительности, наливаясь черным цветом и приобретая давно забытые, но всё ещё узнаваемые формы. Суперкар необычной, зализанной формы, словно кит. Остекление передней части кузова, заднее расположение двигательного отсека, зауженная и приподнятая задняя часть. Машина сразу разбудила в нём ассоциации со старыми мечтами и воспоминаниями о перехватчике, чёрной тачке, герое их мечтаний с Саньком, только цвет у неё был не блестящий, а матово-чёрный, поглощающий свет и словно обработанный полимерным защитным покрытием для внедорожников.

Макс отступил на пару шагов назад, обалдев от увиденного и не веря своим глазам. Аппарат из мечты! Здесь! В холмах! Что за чёрт! Объект полностью материализовался и предстал перед ним, загадочный и манящий. Шок от увиденного вкупе с неверием завладели человеком. Он стоял и таращился, выпучив глаза и растеряв все мысли, на эту невероятную диковину. Нет! Не может такого быть! Весь жизненный опыт протестовал против этой картины. Ступор продолжался некоторое время... Но собравшись с мыслями и крепко взяв себя в руки, Максим сделал шаг в сторону, потом ещё, и ещё... Он обошёл машину по кругу, разглядывая детали и обводы, после чего остановился там, где обычно находится водительская дверь, и вроде бы немного отпустило. Пребывая до сих пор в некотором замешательстве, Макс произнес вполголоса: «Сим-сим, откройся!». Вроде в шутку, а вроде и всерьёз. Но тут действительно произошла шутка – водительская дверь с шелестом поднялась вверх, заставив человека отшатнуться и открывая нутро автомобиля. Максим потёр руками лицо, затем

встопорщил шевелюру, и шагнул в сторону проёма двери, наклоняясь. Перед ним предстали один ряд сидений с боковой поддержкой, руль, формой напоминающий самолётный штурвал, приборная консоль, и никого из живых. Да, дела...

– Ладно, – подумал он, – посмотрим, где наша не пропадала! И сел в водительское кресло. Кресло тут же принялось изменять свою поверхность, подстраиваясь под форму тела и порядком напугав седока. Сидеть оказалось на удивление удобно после того, как изменение завершилось. Макс помнил, каково это сидеть с его ростом в автомобилях различных производителей. Мало где можно ощутить хоть какой-то комфорт, а тут прямо как под тебя всё организовано. Он протянул руки и положил их на рулевой штурвал, ощутив удобную хватистость поверхности, пробежался взглядом по приборной панели, сразу ощутив непривычную эргономику. Взгляд остановился на оттиске ладони справа от руля. Слегка подумав и снова ощутив необходимость предстоящего действия, Максим положил свою руку в этот отпечаток.

По ладони снизу пробежался сканирующий луч, и приборная панель зажглась различными огоньками. Мягкий мужской баритон произнес: «Добро пожаловать на борт, Потенциал». Человек снова вздрогнул от неожиданности, услышав голос, и огляделся. Никого по-прежнему нет. И какой-то такой потенциал?

– Приём. Тест связи, – только на это и хватило его заторможенного событиями воображения, – кто говорит?

– С Вами говорит автоответчик! – Ответ прямо-таки был сорван с последующей промелькнувшей мысли Максима. Это же его дежурная шутка, особенно в разговорах с детьми.

– Так и есть, твоя мысль чётко улавливается, Потенциал. Было бы удивительным обратное. Познакомимся? – Продолжил свою речь голос в салоне, ничуть не стесняясь того факта, что читает мысли человека.

– Д-давай, – согласился Макс. Вроде бы никогда не был заикой, а тут накатило. – Меня зовут Максим.

– Насчёт тебя я в курсе, можешь не сомневаться, Максим. Зови меня Искин. Я являюсь управляющим центром этого транспортного средства. Если тебе будет комфортнее, можешь общаться с моим образом. – На лобовом стекле автомобиля появилась проекция человеческого лица мужского пола.

– Почему ты называешь меня потенциалом?

– Это долгая история и требует развернутого ответа, иначе только запутаешься. Прими как данное. Твой пульс всё ещё высок, но не критично. Ты готов продолжать наше знакомство? – уточнил Искин.

– Да, готов, – у Макса не осталось сил удивляться происходящему, всё казалось просто управляемым сном, когда вроде бы и проснулся, а вроде и нет.

– Хорошо, тогда позволь мне закрыть дверь. Это необходимо, чтобы осуществить дальнейшие действия.

– Нет проблем, закрывай. – Дал утвердительный ответ Максим.

Далее произошло вообще нечто совершенно невероятное. Дверь автомобиля с тем же шелестом встала на место, произведя в конце звук, похожий на герметизацию шлюза, такой знакомый по фантастическим фильмам. А потом пространство салона внезапно развернулось в стороны, словно вывернувшись наизнанку, и Макс оказался сидящим в кресле перед консолью в помещении, напичканном другими консолями и экранами по всему периметру. Экраны отображали окружающую автомобиль обстановку, различные графики и непонятные цветные символы. Пока Максим вертел головой вокруг, обозревая удивительные изменения, сзади послышалось приближающееся цоканье, и синтезированный задорный голос произнёс: «Ну привет, Максим! Вот мы и свиделись, наконец-то... Я заждался!».

Глава 5. Знакомство с экипажем корабля

Макс вскочил, словно ошпаренный, с кресла, ещё в воздухе развернувшись всем телом в сторону говорившего, при этом едва не снеся задом рулевое

управление. Навстречу выступило нечто, похожее на блюдо метрового диаметра с прозрачным куполообразным колпаком, передвигавшееся на восьми паучьих конечностях и оснащённое спереди двумя руками-манипуляторами. А поразительнее всего было содержимое под этим колпаком, наполовину заполненным жидкостью. Внутри сидел необычный крабообразный организм, на тех же поджатых восьми ножках, с ручками-клешнями. Только его тело раскрывалось, словно раковина, одной створкой вверх, обнажая при этом субстанцию, больше всего смахивающую на извлеченный из черепной коробки мозг. Из субстанции торчали два глаза на подвижных веточках, так чаще всего рисуют в мультиках улиток. Оба персонажа некоторое время разглядывали друг друга в упор, один с любопытством, другой в очередном шоке.

– П-привет. – Выдавил, наконец, из себя ответ Максим, одновременно пытаюсь руками нащупать свою челюсть, с грохотом упавшую на пол. – А-а ты кто?

– Я – Мыслящий в фазе Рассвета, можешь звать меня Слот. Мы с Искином давно приглядываем за тобой, и очень ждали нашей встречи.

– П-почему? – Человек отрешенно подметил, что голос раздавался из блюда краба в тот момент, когда начинала бежать цветная радуга по начинке раковины.

– Потому что ты – Потенциал, которого мы обнаружили. – Краб явно был горд.

– Потенциал... Кто такой потенциал? – Макса стала немного раздражать непонятная заиканность на этой теме, и это позволило немного справиться с охватившим его ступором. – Может, проясните, наконец?

– С удовольствием! Только пойдём, присядем для твоего удобства. Разговор будет долгим. – Слот развернулся и засеменял ножками вглубь помещения. Достигнув свободного пространства в центре, Мыслящий развернулся и посмотрел на Максима, который всё ещё стоял там, где его оставили.

– Ну что ты замер? Тебя клешнями, что-ли, тянуть? Проходи сюда, садись. – Произнес Слот.

Макс на непослушных ногах, словно поломанная деревянная кукла, прошагал к этому диковинному Мыслящему, недоумённо завертел головой в поисках места, куда присесть, и тут же заметил, как из пола вырастает такое же кресло, как и то, в котором он сидел совсем недавно. Ну всё, теперь ещё и глаза выпали из орбит, вслед за челюстью. Человек осторожно подошёл и сел в сформировавшееся кресло. Слот же остался стоять, как стоял до этого.

– За меня не переживай, я и так сижу, а платформе всё равно, стоит она или нет. – Посчитал он необходимым удовлетворить любопытство Максима. Рядом с крабом, как для себя решил его называть Макс из-за внешнего сходства, возникла проекция человека в советской военной форме с лицом Искина.

– Позвольте начать мне, товарищи присутствующие. – Заговорил Искин. За время своего присутствия на Земле тот нахватался советской тематики и предпочёл прощоголять этим знанием, решив, что она близка Потенциалу. И надо отметить, что он не сильно то и ошибся. За время советско-пионерской юности что-то крепко запало и осталось внутри человека, не считавшего зазорным сказать про себя "Я из СССР!".

– Сразу поясню суть происходящего. Как ты видишь, ваше человечество не одиноко во Вселенной, хотя бы уже по нашему присутствию здесь, на Земле. Более того, многими веками ранее оно не только знало об этом, но и поддерживало контакты. Но не теперь. После некоей катастрофы основная масса знаний была утеряна человечеством, а контакты с вами теперь запрещены, так как цивилизация откатилась практически в каменный век. Если эта тема тебе интересна, то позже ты сам сможешь подробнее её изучить.

– Сейчас важно лишь то, что за пределами Солнечной системы, в галактике Млечный Путь и в других галактиках проживает огромное количество Рас – цивилизаций в разной степени развития. Согласно земной терминологии, некоторые из них находятся в каменном веке, другие – в средних веках, третьи запускают первые ракеты в космос. Ну и конечно же есть те, кто давно уже освоил космические просторы и перемещается по ним так же просто, как ты по городу. Эти продвинутые цивилизации контактируют друг с другом в области торговли, науки и технологий, создали институт регулирования межрасовых взаимоотношений под названием «Межгалактический Совет». Он мониторит отношения между цивилизациями, решает спорные вопросы и так далее. Многие десятки тысяч лет назад жители нашей Вселенной обнаружили, что череда

непонятных случайностей и великих катастроф есть не что иное, как планомерная агрессия из-за её пределов. Сперва каждая Раса пыталась сражаться сама за себя, но быстро стало понятно, что только в единстве наша сила, и только так мы способны противостоять агрессии. Слишком много ресурсов требуется отдавать борьбе. Была основана Галла – военизированная суперорганизация, вобравшая в себя всё лучшее от объединившихся Рас, призванная осуществлять централизованный контроль за пространством Вселенной, принимать меры по её охране и поддержанию Порядка и Безопасности.

– Хирты – так по-научному называли этого агрессора, принёсшего массу бед многим Расам, или Враг – по-простому. – Вставил свои пять копеек Слот.

– Да, всё верно. Продолжим. – Снова вернул себе слово Искин. – Галла стала исследовать Врага, создавать новые технологии, развивать промышленную и ресурсную базу, ну и конечно же, готовить свои войска. Ведь Хирты могут появиться где угодно, и войск требуется много. До сих пор не найдена система в их экспансии, и это удручает. В частности, ваша предыдущая цивилизация погибла как раз из-за неожиданного нападения Хиртов. И как в любой армии, в войсках Галлы существуют войска специального назначения, наиболее тренированные и подготовленные элитные части, способные выполнять самые различные задачи в рамках отражения этой агрессии.

– Набираются спецвойска из Потенциалов – существ, совместимых по ряду критериев с Симбионтами. Это такая Раса из специалистов. Они не имеют полноценного разума, но определённая мыслительная активность всё же присутствует. Их суть в том, что они способны проникать в других существ-носителей, интегрироваться в их организм и жить за их счёт, занимаясь перестройкой теперь уже общего тела. Захваченный носитель становится Изменённым. И если существо является Потенциалом, то такая перестройка является положительной и максимально полезной и Изменённому, и Симбионту. В противном случае это обычный паразитизм. В общем, Изменённые становятся весьма специфичными суперорганизмами, способными адаптироваться к окружающей среде и выживать в широком спектре внешних условий. И чем выше способность Потенциала к совмещению, тем удивительнее становятся результаты. Поэтому практика добровольного слияния Потенциалов с Симбионтами взята на вооружение.

– Эй, товарищ Максим, ты с нами? – Искин прервал лекцию, подошёл и помахал рукой перед лицом Макса. – Ты в состоянии усваивать сказанное?

– А? Что? Да-да... Я внимательно слушаю. – Максим пребывал в полнейшем обалдении от всей свалившейся на него информации, невероятности окружающей обстановки и просто разговора с искусственным разумом и чёртовым болтающим крабом. Вся его прошедшая жизнь помогала справиться с осознанием нынешней ситуации, тонны прочитанной фантастики, месяцы просмотренных фантастических фильмов, но всё равно, это было умопомрачительно.

– Моя очередь рассказывать. – Вновь перехватил внимание присутствующих на себя Слот, внимательно впери́в глаза на ножках в Макса, видимо оценивая степень адекватности того. – Потенциалы, как и Симбионты, являются очень ценным ресурсом для Галлы. И если места обитания Симбионтов известны, то Потенциалов приходится разыскивать по всей Вселенной. Для этого собирается статистика обнаружения Потенциалов и в наиболее богатые области рассылаются автономные разведывательные корабли – арки. В таком корабле мы и находимся с тобой. Предвосхищая твои вопросы, скажу, что ты обязательно познакомишься с кораблём, но позднее. Из-за важности миссии поиска Потенциалов многие Мыслящие, такие как я, служащие Галле и Совету, отправляются в свой первый Поиск. Это наш экзамен на пригодность при выходе из юного возраста. Мы прилетели на Землю около тридцати лет назад, обнаружили тебя почти сразу, находясь ещё на орбите планеты, и всё это время наблюдали за тобой. По ряду причин совсем недавно мы стали готовы пригласить тебя в Галлу. К большому сожалению, из-за моей глупой выходки по прибытии сюда весь Поиск подвергся угрозе полного провала. Корабль потерпел крушение, из всех имевшихся на борту Симбионтов выжило в итоге совсем немного, а ты смертельно болен...

– Спасибо за откровенность, я это ценю. – Макс поморщился при упоминании своего недуга.

– Какие уж тут секреты от тебя? – Продолжил Мыслящий. – Мы были готовы прервать ремонт и вызвать помощь, но гиперсвязь нам так и не удалось восстановить. Слава звёздам, мы успели в достаточной мере отремонтировать корабль и оборудование, насколько это возможно в условиях современных земных технологий и режима полной секретности. Как только передатчик

Призыва заработал, ты сразу отреагировал на его сигнал своим стремлением попасть в эту местность. Это даёт высокие шансы на успех. Но чтобы быть точно уверенным, необходимо пройти сканирование и выполнить диагностику твоего организма на отзыв Симбионту. Ты готов?

– Готов к чему? – Несмотря на ошарашенность, Максим был осторожен в своих словах. – Если речь идёт об обследовании, то скорее да, чем нет. Если же речь о приглашении в Галлу, то необходимо более подробно ознакомиться с тем, что от меня требуется.

– Это правильный, взвешенный ответ, Потенциал. – Выразил похвалу Искин. – Тем более, что до получения результатов обследования Протокол Призыва запрещает давать более подробную информацию. Извини, но если ты не согласишься, то тебе ни к чему прочие знания. А теперь пройдем в медицинский отсек. Двигайся за мной.

Макс с некоторой дрожью в теле поднялся с кресла и поспешил за перемещающимся к выходу изображением вседоразума. Мыслящий отправился следом.

Глава 6. Виват, Симбионт

Входная дверь открылась, словно шторка, при приближении процессии, явив взору Максима длинный и широкий коридор, на ощупь отделанный мягким, но прочным светло-серым пластиком. Тёмно-серый, в тон стенам, пол, судя по звуку, был металлическим и покрыт глушащим шаги материалом. Сверху, с высокого белого потолка, обстановку освещали панели, распространяя мягкий тёплый свет, тем не менее дающий чёткую картину для зрения. По бокам коридора находились в ряд двери с табличками на неизвестном языке. Искин прошествовал к шестой двери справа и, остановившись, обернулся к Максиму.

– Это медицинский отсек, запомни расположение на всякий случай. Дверь, из которой мы вышли, ведёт в командирскую рубку. – Псевдоразум дождался кивка Максима и вошёл внутрь. Остальные проследовали за ним.

Медицинский отсек представлял собой небольшое, хорошо освещённое помещение, обставленное по периметру шкафчиками. Центральное пространство занимали два вертикально расположенных на общем основании агрегата цилиндрической формы с прозрачной боковой стенкой.

– Это медицинские боксы. – Показывая рукой на агрегаты, произнёс Искин. – они умеют многое, но не всё. К сожалению, это разведывательный корабль с ограниченными ресурсами, и продвинутому многофункциональному оборудованию здесь нет места. Они смогут подлечить, поддержать не слишком критическое состояние или осуществить криозаморозку в наиболее тяжёлом случае, до доставки в медицинский центр Галлы или в другое место с полноценными универсальными медицинскими автодокторами. Ну и, само собой, проводить диагностику они тоже умеют.

Искин нажал по очереди несколько кнопок, после чего ближний бокс принял горизонтальное положение и открылся.

– Раздевайся, залазь внутрь и устраивайся поудобнее, процедура займет примерно полчаса. Слот, будь так добр, подключи к боксу контейнер с Симбионтами. – Раздавал он ценные указания, продолжая программировать автодок. Понятное дело, что он только визуально эмулировал работу с клавиатурой, но выглядело это очень человечно. Видимо, не хотел совсем уж шокировать Макса, который и так не выходил из состояния перманентного удивления.

Максим, испытывая сильное волнение, разделся до нижнего белья, залез в бокс и лёг плашмя, вытянув руки вдоль тела. Поверхность, на которой он лежал, была мягкая и тёплая. Слот шуршал в уголке у одного из шкафчиков, вводя параметры подключения контейнера к боксу.

– Как я уже сказал, процедура займёт некоторое время. Не волнуйся, лежи спокойно, можешь поспать. Бокс сейчас закроется и начнёт сначала обследование организма, а затем диагностику совместимости твоих показателей с энерговолнами Симбионтов. В случае положительного результата мы сможем продолжить нашу беседу, ну а в случае отрицательного – там и думать будем, не станем пока о грустном, тем более что такой исход маловероятен. – Продолжил инструктаж Искин. – Слот, я вижу, Симбионты подключены. Начинаем процедуру. Поехали!

Прозрачная крышка бокса заняла своё место, затворив пациента внутри. По всей внутренней поверхности диагноста зажглись огоньки, накатила тёплая обволакивающая волна, и Макс растворился в этом ощущении. Мысли его лениво копошились в голове, пытаюсь разобраться в увиденном, найти этому должное объяснение. И незаметно для себя Максим уснул...

– Засоня, подъём! Ау! Тут есть кто живой?! – Верещал Мыслящий, подпрыгивая около распахнутого бокса спустя час. Он еле-еле дождался этого самого момента, после почти тридцати лет наблюдения и устранения последствий аварии корабля, когда цель его Поиска так близка. Их Потенциал два раза попал в цель. Один из наиболее здоровых Симбионтов имел сродство порядка шестидесяти восьми процентов, и ещё один подходил идеально, будто был рождён специально для этого человека. Так не бывает, история практически не помнит подобных совпадений, за очень редким и очень давним исключением. Даже Симбионт почувствовал это на расстоянии и активизировал свою жизнедеятельность, выходя из спячки и готовясь к самой важной процедуре в своей жизни. Вся загвоздка в том, что он был уже на грани смерти и потому залёг когда-то в спячку, второй раз этого сделать уже не сможет. Наконец, Макс открыл глаза, повернул голову набок и сфокусировал взгляд на шумящем около него крабе-непоседе.

– Похоже, я всё-таки уснул. – Произнес он, пытаюсь скрыть за неумелой шуткой свою обеспокоенность. – Ну и какие результаты диагностики, поделитесь, не томите, господа присяжные заседатели.

– Ты давай пока вылазь и одевайся, а я буду рассказывать. – Предложил Искин. – В целом всё просто замечательно, я бы даже сказал – потрясающе. Есть целых два кандидата на слияние – совпадение примерно на семьдесят процентов и на сто. Со вторым вы подходите друг другу, словно братья-близнецы, но он обессилен и вероятность завершения слияния очень мала, зато в случае успеха ты должен стать крутым Изменённым. С первым шансов гораздо больше, но и Изменённым ты будешь чуть выше среднего. Кого выберешь?

– Второго! – Макс сразу почувствовал симпатию к собрату по смерти. – Будем рубить с плеча.

– Второго, так второго, это твой Выбор. Тогда продолжаю с учётом него...
Процедуру мы затянули на час, попутно устранив без твоего согласия пару болячек – починили селезёнку и начинающуюся язву желудка. В остальном всё хорошо, за исключением одного большого НО. А именно, диагност не берётся лечить твой рак на такой стадии. И не даёт никаких гарантий на успех при лечении в полноценном автодокторе. Это раз. А два то, что даже если бы он и взялся, то это весьма долго, выбранный Симбионт не доживёт, слишком ослаб, тем более, что он вышел в активную фазу в последний раз. Стадия твоей болезни же такова, что мы просто можем не успеть привезти тебя на базу Галлы, ведь путь тоже займёт определённое время из-за неполного ремонта, и криозаморозка нам недоступна. Таким образом, мы оказались в замкнутом круге без высокой вероятности на успешный исход. В результате подобного положения у нас остаётся русская рулетка. Шансов пятьдесят на пятьдесят, как в анекдоте про динозавра, либо выйдем, либо нет. Ну и чтобы совсем расставить запятые в предложении, я не рекомендую тебе этого Симбионта, просто из-за оставшегося срока жизни у вас обоих. Хотя большим плюсом на весы положим вашу совместимость, вдруг это как-то поможет Симбионту справиться с твоим недугом.

Пока Искин выдавал накопленную информацию, Максим сидел с остекленевшим взглядом, уставившись на обнаруженного недалеко Симбионта в прозрачном контейнере и впитывая услышанное. Даже забыл, что необходимо одеваться. Не каждый готов переварить такой расклад сразу, без подготовки или долгих раздумий за и против. По сути, ему и не остается выбора, либо пан, либо пропал. С другой стороны, если получится, то впереди новая, интересная жизнь, пусть и на службе непонятной Галлы в роли Изменённого.

Мыслящий, замерев и не отсвечивая, впитывал мысли Потенциала, поражаясь некоторому фатализму и хладнокровию того. Он и не подозревал, что этот момент стал основополагающим в зарождении большой дружбы с далеко идущими последствиями, на которую практически не способны иные Мыслящие. Но Слот, мало того, что был бунтарём с рождения, так ещё и слишком долго проторчал на планете, вынуждено наблюдая жизнь Максима и впитывая в себя близкое знакомство с человеческой цивилизацией, сильно отличающейся от его родной. Ведь почти всю фазу Рассвета он потратил здесь, на Земле, развиваясь и получая определённое самовоспитание в изоляции от Старших.

– Хорошо, не вижу смысла одеваться, если дальнейшие процедуры пройдут здесь же. – Подвёл черту Макс. – Но расскажите мне всё-таки сначала про Галлу и службу в ней. Надо же знать, куда я собираюсь нырнуть. – За бравадой Максима скрывался вновь оживший страх, который он так долго гасил в себе, впервые услышав приговор врачей. Мало того, что у него жизнь заканчивается едва войдя в пору расцвета, так ещё и семья остается без него – отца и мужа. Он до последнего увивал от мыслей об этом и сейчас всё это вырвалось наружу. Макса прямо трясло, он ведь уже вычеркнул себя из живых и заканчивал дела больше на автомате, как тот призрак, у которого не получается уйти, пока не завершена миссия в этом мире. А тут в руки сам идёт шанс, пусть и с вероятностью успешного исхода не по классической теории, а по анекдоту "пятьдесят на пятьдесят", но это всё же шанс. Шанс жить, шанс совершать поступки, пусть и служить Галле, но судя по уже имевшейся у него информации, вполне себе нормальной организации с высокими целями. А помочь семье, поддержать их, он как-нибудь постарается, был бы этот самый шанс. Сейчас же необходимо постараться взять себя в руки и выслушать собеседника.

– На самом деле всё очень просто и сложно одновременно. – Начал очередное повествование Искин. – В случае успешного прохождения процедуры Слияния Потенциал и Симбионт объединяются в одно целое. Симбионту требуется какое-то время на прохождение фазы адаптации, это обычно занимает от месяца до двух. Редко больше или меньше. Зависит от индивидуальных характеристик. В вашем случае есть некоторая надежда на быструю адаптацию, правда непонятно, что будет с твоей болезнью. Таких случаев в моей базе нет. Как правило, Потенциала сначала излечивали, если признавали временно непригодным, а потом уже запускали процедуру. После прохождения фазы адаптации Потенциал становится Изменённым. Начинается процесс преобразования его тела, делая Изменённого более быстрым, сильным, выносливым и так далее. Симбионт реагирует на невыраженные эмпатические запросы Изменённого и модифицирует тело в определенных рамках. Одновременно, согласно Протоколу Призыва, ты станешь кандидатом Галлы, которому надлежит прибыть в расположение организации и поступить в Академию. Ты будешь новобранцем, кадетом. Несколько курсов обучения, обширная практика и ты в рядах спецвойск. Будешь выполнять поставленные задачи, сражаться, одним словом, с Врагом. Прочие подробности пока запрещены. Ну как, я удовлетворил твоё любопытство?

– Ну, более или менее. Понятно, что у меня стало ещё больше вопросов, но это нормально. И пока я не лопнул от любопытства или не передумал, предлагаю начинать процедуру, со вторым. – Максим решил разом отрубить все метания, снова принимая горизонтальное положение в боксе. Всё одно, либо помирать, либо ещё пожить, и судя по всему, интересно. – А как пройдёт процедура? – Вдруг заволновался он, подумав, куда ему будут заталкивать этого Симбионта. Уж больно пугал его воображение тот гигантский светящийся слизень, что размазался по прозрачной стенке контейнера за спиной у Слота и пульсировал в такт биению сердца.

– А вот это не твоя забота! – Обрубил его псевдоразум, ухмыляясь и вводя новую программу в бокс. – Спи и наслаждайся.

Крышка бокса захлопнулась и на Макса вновь накатил сон.

Глава 7. Теперь ты не один

Открывать глаза не хотелось, так приятно было купаться в тёплых волнах и нежиться в ласковых солнечных лучах. Что-то снилось, но Максим не мог ухватить суть. Его мозг перешёл в фазу управляемого сна, как Макс обычно называл то состояние, когда понимаешь, что спишь, и пытаешься управлять сновидениями. Хотелось, чтобы это не прекращалось, но какой-то раздражитель не давал сосредоточиться на переживаниях, тормозил его, понуждал оторваться, вернуться в реальность. Наконец, Максим пришёл в себя, но продолжал лежать с закрытыми глазами, наслаждаясь послевкусием неги, понимая, что давно он не испытывал такого удовольствия от сна. Мысли в голове не очень-то желали шевелиться, похоже, продолжая покачиваться на волнах, словно веточки в тихой водной заводии, медленно вращаясь вокруг своей оси, влекомые лёгким течением.

Вдруг мир его спокойствия разом дал трещину, через которую в сознание проникли воспоминания о недавних событиях и том, что он вообще-то сейчас проходит процедуру изменения. Как только Макс это осознал, его словно окатило ледяной водой. Он распахнул глаза и резко попытался сесть, больно стукнувшись лбом о какую-то твёрдую поверхность. Тут же рухнув назад и, схватившись руками за ушибленный лоб, он замычал нечленораздельную ругань.

Наконец, выпустив пар и сфокусировав взгляд, Максим увидел над собой прозрачную крышку медицинского бокса. В уши его ворвалось взывающее и успокаивающее бубнение Искина и Слота.

Максим, Максим, успокойся! Слышишь?! Лежи спокойно! Сейчас проведём последний тест и выпустим тебя. – Искин, увидев, что пациент затих, запустил тестирование. Необходимо было проверить, как устроился Симбионт, и началась ли у него фаза адаптации.

Спустя пять минут все операции завершились, и бокс распахнулся.

– Ну вот, всё закончилось, Максим, можешь вставать и одеваться.

Обитатели арка торжественно смотрели на Макса, который, словно пьяный, выбрался из капсулы и натягивал неверными движениями свою одежду. Когда же он, наконец, оделся, нашёл их глазами и замер в молчаливом вопросительном ожидании, всё ещё глубоко внутри борясь с последствиями сна и пытаясь сбросить липкую паутину сонливости, те взорвались поздравлениями.

– Добро пожаловать на борт, будущий Изменённый. Поздравляю с успешным завершением процедуры принятия Симбионта. – Широко улыбался Искин.

– Поздравляю!!! Максим, Максим, как я рад! Это свершилось! Мой Поиск почти завершён! Ура!!! – Приплясывал Слот, разливаясь яркой радугой по телу. Он вертелся и щёлкал клешнями внутри своего колпака, исполняя какой-то свой туземный танец, а его платформа неуклюже пыталась повторить это вслед за ним, выглядя всё нелепее и нелепее.

Макс, глядя на демонстрируемую вакханалию чувств, и сам расплылся в улыбке, чувствуя, как внутри понемногу распускается узел, мешавший дышать ему полной грудью последнее время. Он не знал, какими его новые знакомые были до посещения Земли, но сейчас они выглядели и реагировали очень по-человечески, не вызывая никакого отторжения какой-либо чужеродностью. И Максим ощущал себя, словно он всю жизнь провёл с ними бок о бок. И вообще, он готов был обнять весь Мир!

Находясь под воздействием этой накатившей эйфории Макс едва не забыл, что в нём теперь находится тот пугающий слизень. Каким образом он в него проник? Куда внедрился? Странно, но сейчас эти вопросы, хотя и возникали в голове, но не вызывали того волнения, как это было перед процедурой. Макс мог отстранённо думать об этом, словно это происходит не с ним. Скорее всего, это состояние эйфории аналогично воздействию наркоза после операции. Или это воздействие Симбионта, чтобы неопытный носитель не спровоцировал отторжение, травмы? Гашение и успокоение нервной системы? Прислушавшись к своему телу, он постарался почувствовать, обнаружить в себе чужеродное присутствие, какое-нибудь шевеление внутри. Как это должно выглядеть и ощущаться? Вроде бы есть какое-то тепло вдоль спины, от шеи до копчика. Или ему это кажется? Новоиспечённый будущий Изменённый ещё немного попытался покопаться в себе, разобраться в происходящем, но решил, что сейчас он слишком неадекватен, и бросил это неблагоприятное занятие.

Немного погодя, когда все успокоились, троица дружно переместилась назад в командирскую рубку. Максим снова сел в понравившееся своим гостеприимством кресло, а Слот попросил Искина подать перекусить. Необходимо подкрепить энергетический баланс, как выразился он, после такой обширной порции бурных переживаний в течение дня. Тут и Макс следом спохватился о времени, про которое совершенно позабыл.

– А сколько сейчас времени-то? Меня, наверное, потеряли. – Забеспокоился он, нащупывая по карманам мобильник.

– Можешь не стараться, мобильная связь внутри не работает. Мы находимся в пространственном кармане, здесь иная метрика Пространства. – Сообщил Слот.

– Время за бортом 18:53 – Вторил ему Искин. – Процедура принятия достаточно длительная, продлилась чуть более пяти часов. Уже начало смеркаться. Предлагаю перекусить, это крайне необходимо для успешной адаптации, а пока ты будешь кушать, мы обсудим с тобой дальнейшие планы. Хорошо?

Максим кивнул, шаря глазами по накрытому столику, материализовавшемуся перед ними. Слот, который уже деловито булькал раствором в своём аквариуме, процеживая через себя пополненную из приставленного баллона жидкость, заволновался.

– А что тут обсуждать? Надо лететь на базу! – Фиолетовые волны выдавали его крайнюю степень волнения. Он даже не стал перехватывать мысли Изменённого. А скоро и не сможет этого делать, если Максим не захочет. Надо только принять Симбионта и научиться экранировать мыслительную активность.

– Эй, стой, стой, стой... – Макс даже замахал кусочком жаренной курицы в руке, которую с радостью обнаружил на столике и решил употребить по назначению. – Так не пойдёт! Мне требуется пара деньков хотя бы, раскидать свои дела и родных предупредить, чтобы не волновались.

– Максим прав! – поддержал его псевдоразум и тут же пошутил над возможной ситуацией. – Не хватало ещё, чтобы его в розыск объявили, как пропавшего без вести. Мало тебе статей в жёлтой прессе, типа «Меня украли инопланетяне». Да и Симбионту требуется это время, чтобы немного укрепиться. Так что обойдемся без спешки, пару дней, так пару дней.

– Значит, слушай, Максим, внимательно и запоминай. И кушать не забывай. – Начал свой инструктаж заботливый искусственный интеллект.

– Перво-наперво, тебе необходимо хорошо питаться и пить больше жидкости во время фазы адаптации, если не хочешь, чтобы строительный материал Симбионт начал черпать из твоего тела. Он, конечно, будет работать по принципу «Не навреди», но собственных ресурсов организма надолго не хватит.

– Во-вторых, тебе полезна сейчас повышенная двигательная активность. Твой теперь уже вечный напарник расположился вдоль позвоночника и будет встраиваться во все ответвления нервных корешков и так далее. Глубокие биологические сведения о протекании процесса адаптации сможешь почерпнуть сам при желании. Ты извини, что мы постоянно тебя кормим этими "потом сам", но всё рассказывать жизни не хватит. Будет доступ к инфотеке – изучишь всё, что захочешь. А пока следует знать, что чем активнее идёт работа твоей нервной системы, тем быстрее вы с ним срастётесь и полноценнее будете взаимодействовать. Ну и повышенный обмен веществ эту скорость подстегнёт. Но учти, при всём при этом веди себя очень осторожно, на первых этапах нельзя вредить процессу слияния, пока Симбионт практически беззащитен.

У Макса было только одно желание – это произнести крылатую фразу «Помедленнее, пжалста, я записываю...», но он сдерживался, понимая серьёзность инструктажа, и старался запомнить всё то, что изливал на него в своей мудрости Искин.

– В-третьих, особо не пугайся, если ты почувствуешь что-то необычное. Не забывай, что теперь ты не один, и Симбионт, хоть и находится внутри, всё-же является самостоятельным живым существом, с которым вы сможете в некотором роде обмениваться информацией, эмпатически как минимум. Некоторые пары достигали в прошлом такого уровня слияния, что могли обмениваться мыслями. И ты, как Изменённый, обязан учиться общению с Симбионтом постоянно, развивая этот навык. От этого будет зависеть твоя жизнь и способность адаптации к изменяющимся условиям внешней среды.

– И последнее, вот тебе коммуникатор. – Указал на блестящую вещицу, протянутую Слотом, Искин. – Он может принимать произвольную форму в пределах своей массы, ну и с некоторыми ограничениями по размеру, стоит только мысленно пожелать. Носи его с собой всегда, чтобы оставаться на связи. Позови нас в любой момент, когда мы тебе понадобится или когда будешь готов отправляться. А теперь давай закругляться, тебе пора идти домой, пока совсем не стемнело.

Макс поспешно допил стакан апельсинового сока, вытер салфеткой руки и встал, сыто отдуваясь. Неплохой у него разыгрался аппетит, оказывается. Мысленным усилием, с десятой попытки, заставил коммуникатор принять вид ручных электронных часов и надел их на руку. По указанию Слота Максим прошёл и снова сел в кресло у рулевого управления. Мыслящий помахал ему на прощание клешней и отдал Искину команду на выход из пространственного кармана. Рубка снова свернулась в первоначальное состояние салона автомобиля. Макс подержался немного за руль, пробежал взглядом по приборной консоли и вздохнул, расставаясь с недавней сказкой, после чего тепло попрощался с Искином и выбрался из машины. Пора отправляться домой.

Глава 8. Здравствуй, друг

Осторожно пробираясь назад, через чащобу, Максим намеревался найти тропинку, ведущую к спуску по боковому склону холма. Старые воспоминания подсказывали ему, что там можно спуститься гораздо легче, чем напрямую. С лицевой стороны холм изрыт поперечными, полутораметровой высоты, бороздами, и спуск по ним превращается в забег кенгуру по пересеченной местности. Это, конечно, интересно для детей, но не в темноте и не в его состоянии. Поэтому Макс и хотел облегчить себе дорогу цивилизованным спуском, натоптанным прочими ходоками. Только на тропе необходимо соблюдать осторожность, чтобы не соскользнуть с неё на крутых участках в глубокое ущелье между холмов. Поглядев на часы-коммуникатор, он отметил, что время уже перевалило за восемь вечера. Оранжевый диск солнца наполовину спрятался за горизонт, освещение стало достаточно скудным. Ещё минут десять, и совсем стемнеет. До этого времени надо спуститься с холма.

Память не подвела, а народная тропа не заросла. Максим нашёл её ровно там, где она и была двадцать пять лет назад. Странно, конечно, теперь фисташковые рощи заброшены, и по тропинкам не курсируют лесники. Напевая весёлую песенку «По дороге с облаками возвращаемся назад», он бодро, меняя галсы, спускался по ней небольшими приставными шагами. Ребристая подошва кроссовок хорошо себя проявила, не позволяя соскальзывать на мелком песочке и камешках. Ну и опыт, как говорится, не пропьёшь, раз научился в детстве шустро скакать по таким тропинкам, то и сейчас получалось неплохо.

Со спуском удалось уложиться тютелька в тютельку. Когда Макс оказался у подножия холма, солнце уже скрылось за горизонтом, и оранжевое зарево практически угасло. Макс плохо видел в сумерках, но в темноте ориентировался просто отлично. И он зашагал по полевой тропинке назад, к микрорайону. Сейчас не нужно было проявлять особую внимательность, как при спуске, знай себе топай и топай. И Максим позволил своему сознанию углубиться в мысли, заново пережить прошедший день, такой удивительный и неповторимый. Он перебирал воспоминания одно за другим, словно бусины на чётках, поражаясь сам себе, как не свихнулся от обилия невероятных впечатлений. Теперь Макс мог и заново удивляться, проигрывая в памяти отдельные моменты, и копить вопросы в списке для выяснения. Его ни капли не разочаровало произошедшее с ним, наоборот, он испытывал воодушевление и моральный подъём. А так как автомобиль-корабль, как физическая величина, был ему много понятнее и естественнее, чем инопланетянин Слот и псевдоразум Искина, то за него и легче было зацепиться сознанию. С корабля и началось принятие дневных событий в

качестве реальной действительности, а не бреда сумасшедшего. А когда Макс начинал сомневаться в здравии своего разума, он просто смотрел на коммуникатор и мысленно задавал ему новую форму – то часов со стрелками, то старых добрых «Электроника 53», а потом получившийся предмет щупал пальцами – помогало. Почему-то он не думал о том, что если это бред, то бред коснётся и часов в первую очередь.

И тут вдруг Максим остановился, как вкопанный. Он совершенно забыл, что теперь он – Изменённый, а значит – не один, как объяснял ему Искин. И с ним отныне всегда присутствует Симбионт. Честно говоря, при воспоминании о слизи не возникало никаких тёплых чувств, уж больно мимолётно прошло знакомство с ним, даже не знакомство, а гляделки. И Максиму трудно было воспринимать его как нечто большее, нежели как гигантского слизняка или улитку. Уж на улиток он насмотрелся, в том числе в собственном аквариуме, и не испытывал перед ними какого-либо пиетета. А ведь Симбионт – представитель инопланетной жизни. Максим относил себя к вежливым людям, привыкшим судить о чём-то на основе собственного опыта, и старался не выказывать предубеждения там, где оно не заслужено. Поэтому он постарался настроить себя на новую волну, ощутить те тёплые чувства, которые он испытывал, например, к своему любимому псу.

В жизни Макса было несколько отличных псов, каждого из которых он помнил и чтил, как кого-то очень родного и особенного. Один пёс грудью защищал его от других собак и агрессивных представителей рода человеческого. Другой сиганул в окно с пятого этажа на защиту маленькой дочери Максима, услышав её крик во дворе, и Макс еле-еле успел поймать того за заднюю лапу, уже за пределами окна. Самоотверженность собак не знает границ, а они заслуживают любви и заботы. Примерно на этой ноте он и попытался обратиться внутрь себя, почувствовать своего жильца. Выходило не очень, Макс не ощущал на этот раз чужого присутствия.

Оглянувшись назад, в сторону холмов и машинально отметив, что полпути до дома он преодолел, Максим снова и снова пытался почувствовать Симбионта, чем не на шутку увлёкся. Внезапно он вздрогнул от раздавшейся в темноте, посреди умиротворяющего пения сверчков, звонкой трели мобильного. Достал из кармана джинсов смартфон и глянул на экран. Звонила сестра.

– Света, привет! Прости, что не отвечал, не было возможности. – Макс испытывал неловкость. – Да, иду домой, скоро буду. Не волнуйся, всё в порядке. Да, до встречи. – Он нажал на отбой. – Всё-таки вот так заставлять родных волноваться – нехорошо. С другой стороны, раньше же бегали до ночи как-то без мобильных и ничего...

Максим ещё раз глянул на экран. Пять пропущенных звонков. Он пробежал взглядом список непринятых вызовов, все от сестры, жена не успела разволноваться в связи с его отсутствием на связи, после чего запихнул телефон в задний карман и прибавил шагу. Вокруг уже стало светлее, хорошо было видно неровности и камни на тропе. Яркий свет недавно взошедшей луны заливал окрестности.

Мысли снова свернули на воспоминания. Вспомнив об инструктаже, Макс, загибая пальцы, попытался дословно припомнить и повторить все пункты. Как ни странно, получалось. Пока он соображал насчёт исполнения обозначенных Искином правил, ему показалось, что внутри обдало теплом, но не придал этому значения. Постепенно волны тепла участились, обратив-таки на себя внимание. Мысленно Максим попробовал проинспектировать свои ощущения, понять, что с ним происходит. И внезапно его озарило, что до него пытается достучаться его новый напарник. Он понял это чётко и внятно, как будто всегда знал. Макс не ощущал его физически, нет, это было что-то новое и неизведанное, словно проснулось не используемое ранее шестое чувство. И это было потрясающе. Максим мысленно представил, что гладит Симбионта вдоль тела, словно собаку, чешет за ушками, попытался передать ему тёплые чувства, и в ответ получил что-то, что сложно выразить словами, какое-то понимание, словно тот машет хвостом и подпрыгивает, пытаясь ластиться и лизнуть в лицо. Опорные ассоциации в виде опыта общения с собаками принесли свои неожиданные плоды. А Симбионт, видимо, откуда-то черпал эти же самые воспоминания и пытался передать своё отношение в виде понятных образов.

– Я буду звать тебя Лаки! – Неожиданно для себя, Макс произнёс это вслух. – Должен же я как-то обращаться к тебе, да?

– А в ответ прилетело молчаливое одобрение. Опять словно омыло тёплой волной.

– Интересно, почему Лаки? – задумался вдруг Макс над своим порывом. – Наверное, потому что мы с тобой оба оказались счастливыми. А вот настоящие или в кавычках, война план покажет.

– Одобрительное внимание...

– Я болен, друг Лаки. Со мной совсем всё плохо, там, внутри. Ты смотри, будь осторожнее, не подцепи заразу. Будем надеяться, что я доживу до прилёта на базу Галлы, где меня смогут вылечить. – Максим попытался предупредить партнера о раке, а заодно дать себе надежду в виде мысли, что всё может быть ещё исправлено. Вдруг и Симбионт сможет повлиять на ситуацию, чем чёрт не шутит.

– Ответная волна ощущения уверенности и что-то вроде «Будь спокоен, товарищ. Всё будет хоккеем». Смешная, конечно, интерпретация, но именно такая ассоциация возникла в голове.

Они шли и развлекались обменом образами, тренируя связь и пытаясь укрепить отношения. Дорога стелилась под ногами, Максим топал, не ведая усталости, и, забыв обо всём, толковал с новым другом. По привычке на автопилоте он пошёл старым маршрутом, пересекая автомагистраль там, где привык с детства. Раньше это был безопасный участок. Макс настолько был увлечён разговором с Симбионтом, что просто не обратил внимания на отсутствие пешеходного перехода, перенесённого некоторое время назад на сто пятьдесят метров далее. Магистраль была практически не освещена, и фары проносящихся машин слепили в темноте. Максим пропустил основной поток машин и шагнул на проезжую часть, не дожидаясь проезда оставшихся двух, ориентируясь по их световым огням. Вряд ли бы он это сделал, если бы знал, что у второй не горела правая фара. Последнее, что он запомнил, это визг тормозов, глухой удар, чувство полёта и темнота...

Глава 9. Горькая правда

На уши давила звенящая тишина, а запах лекарств, казалось, навечно поселился в носу. Чувства возвращались к нему одно за другим, словно невидимый электрик поочерёдно подавал питание на системы организма. Он попытался медленно открыть глаза, и с некоторым усилием это удалось, несмотря на сопротивление слипшихся ресниц. Но толку было мало, кроме мутного белого пятна он ничего не смог рассмотреть. Тогда он снова закрыл глаза, попытавшись сосредоточиться на своих ощущениях. В голове вместо мыслей плавала такая же белая муть. Он попробовал собраться и вспомнить, что с ним. Но получалось как-то не очень, полынья сознания затягивалась вязким белым бесчувствием. И он снова провалился в сон.

Спустя некоторое время он вновь пришёл в себя. В голове стало чуточку яснее. Тогда он решил, что не будет открывать глаз, а попытается понять, кто он и что с ним происходит. Почему он чувствует себя так странно? Ватное, сонливое состояние. Лень шевелиться и даже дышать. Что же было? Он забыл что-то важное? Обессилен от потуг, он снова провалился в забытьё.

Третье пробуждение? Третье? Или какое по счёту? Открываем глаза, снова белое... Стоп, но теперь он видел, пусть нечётко, но видел. Белый потолок, неяркий свет ламп. Всё расплывалось, но предметы были хотя бы узнаваемы. Старые лампы, как в школе или больнице. Подожди! Он в больнице?! Ну да, оттуда и запах лекарств. Но почему? И почему он не может шевелиться? Почему ему тяжело дышать? Он попытался пошевелить правой рукой. Вроде удалось. Или нет? Да, всё-таки удалось. Он согнул руку в локте и провёл ей по животу, устав так, словно гирию ворочал. Ощущается нечто вроде одеяла. Шерстяного одеяла. Такое же у него было в больнице, когда он лежал после удаления аппендикса по окончании школы. Ну, точно! А что он делает в больнице?

Очередное пробуждение. Видимо, пока он пытался понять причину своего нахождения в больнице, не удержался в сознании и снова отрубился. Но сейчас в голове уже намного яснее, чем раньше. Он открыл глаза и довольно чётко смог разглядеть потолок. Побелка не первой свежести, люминесцентные лампы советского образца. Слева окно, через которое в комнату льётся солнечный свет. Повернуть голову ему не удалось, поэтому пришлось скосить глаза, чтобы рассмотреть окно. Судя по тишине вокруг, в палате он был один, никто не шумел и не сопел. Вновь попытался пошарить рукой по телу. Удалось. Теперь он задался целью поднять руку, чтобы дотянуться до головы. Почему та не поворачивается? Руку он поднимал, будто пудовую гирию. Рука дрожала и

качалась, преодолевая силу тяжести, и, казалось, сейчас рухнет обратно, не справившись с ней. Однако ж ему удалось прикоснуться к голове. Хм, голова на ощупь перебинтованная. Как тяжело держать руку, он устал. Рука обессилено упала на живот и соскользнула вниз, устроившись отдыхать вдоль тела. За окном раздался противный гудок машины, вызвав звон в ушах. Нет, ну что за идиот сигналит около больницы. Гудок снова воздействовал на нервы. Видимо, он спровоцировал раздражение, прилив адреналина и память словно прорвало: визг тормозов, удар, полёт, темнота.

Он лежал и прокручивал в голове: визг тормозов, удар, полёт, темнота. Раз за разом. Вспомнил, до этого был свет. Ослепительный свет, который он хотел пропустить. Пропустить свет? Куда? Свет, визг тормозов, удар, полёт, темнота. Дорога, машины, он ждёт возможности перейти через дорогу. Понятно, он попал под машину. Переходил в темноте дорогу и очень неудачно, похоже. Его предупреждали же быть осторожным. Кто? Кто предупреждал быть осторожным? Память зажурчала, забила, просачиваясь тонкими струйками сквозь баррикады забвения, и, наконец, хлынула потоком воспоминаний. Холмы, автомобиль-корабль, Искин, краб, Симбионт. Слишком невероятные, фантастические воспоминания, события вне разумного объяснения. Может, это был сон? Или горячечный бред? Он лежал и пытался понять, разобраться в том, что же это было...

Быть может, это всё действительно было бредом, исторгаемым ушибленным мозгом и поплывшим от медикаментов сознанием, последствиями аварии? Нет, не дай Бог. Тогда он просто сойдёт с ума, дарить надежду, а потом её лишаться? И как тогда жить дальше, пусть и тот короткий срок, что ему отмерен? Он и так уже жил на автопилоте... Лучше пусть это будет правдой, пусть фантастической, но правдой...

В следующий раз он проснулся от тихого разговора в палате. Медсестра меняла бутылку в капельнице и что-то втолковывала второй. Он следил за ними в полглаза и понял, что они собираются проводить гигиенические процедуры, обмывать его тело. Но зачем? Он так долго тут находится? Или что? Он попытался позвать медсестру, но из горла вырвалось только сипение. Слипшиеся губы не хотели размыкаться. Вторая медсестра заметила его потуги, ахнула и выбежала из палаты.

- Доктор, доктор, он очнулся. - Звала она врача. - Пойдёмте скорее.

Первая медсестра, что меняла бутылку, смочила ватку в тёплой воде, видимо приготовленной для протирания, и провела по его губам.

– Ну здравствуй, страдалец. – В отличие от второй, молоденькой, эта медсестра выглядела уверенной в себе женщиной среднего возраста, знающей, что она делает. А та пигалица, видимо, практикантка. – Как ты себя чувствуешь? Болит что-нибудь?

Из-за её спины показался доктор, молоджавый крепкий мужчина в возрасте, с окладистой рыжей бородкой. Он улыбнулся пациенту, придвинул к кровати стул и сел, поправив сползшие на нос очки.

– Ну-с, Максим, как Вы? Почему не отвечаете Алевтине Ильиничне? Она тут с Вас пылинки сдувает, а Вы? Всё спите и спите. Ну расскажите тогда мне, если стесняетесь медсестры.

– Х-х-ррр. – Прохрипел Максим.

– Что Вы говорите? Хорошо? Ну тогда просто замечательно, замечательно... Ваши родственники уже вторую неделю пытаются к Вам прорваться, да я пока не разрешал. Но раз Вы в порядке, допустим страждущих к Вам? А? – И доктор подмигнул Максиму. – Алевтина Ильинична, дорогая, пригласите к нам посетителей, если не сложно. А мы пока проверим наши показатели.

Доктор начал деловито нащупывать пульс на руке пациента. – Так, так, ну просто замечательно, Вы у нас совсем уже огурчик. Пульс отменный, сердцебиение без замечаний. Давайте посмотрим глазки, какова реакция у наших зрачков. Так-с, ну чудненько. Теперь давайте повернем Вас на бочок, мне необходимо осмотреть швы на спине. Ирочка, помогите, пожалуйста. – Врач очень аккуратно и профессионально, с помощью молоденькой медсестры, повернул Максима на бок и начал что-то делать со спины. – Ну-с, не к чему и придраться, заживает всё как на собаке.

У Макса снова сработала ассоциативная цепочка: собака, Симбионт, партнер, друг. Лаки! Неужели правда всё то, что ему вспоминалось. Как он там? Максим попытался обратиться внутрь себя, достучаться до Лаки. Но ожидаемое шестое

чувство не просыпалось. Он начал волноваться и покрываться испариной.

– Ну что Вы, мил человек, так переживаете? Обычная процедура осмотра в послеоперационный период. – Попытался успокоить его доктор, приняв волнение Максима на свой счёт. Он вернул пациента в первоначальное положение и укрыл. – Да, да, после операции. – Подтвердил он, увидев вопросительный взгляд предмета своего профессионального внимания. – Сейчас придут родственники, и я всё вам расскажу.

– Виктор Сергеевич, родственники за дверью. – Заглянула в палату Алевтина Ильинична. – Запускать?

– Да-да, конечно. – Подтвердил доктор. И сразу стал руководить входящими. – Проходите, дамы, сюда, пожалуйста. Вот стульчики, присаживайтесь.

Максим скосил глаза и увидел свою любимую супругу и сестру. Их встревоженные, измученные лица не давали особого повода для гаданий относительно испытываемых ими внутренних переживаний. Он почувствовал вину ещё и перед ними, мало ему Лаки. Супруга пристроилась поближе, взяла его руку и крепко сжала в ладонях.

– Значит так, многое я вам уже рассказывал, но повторим для ясности и Максима. – Начал разговор Виктор Сергеевич. – Максим, Вы здесь уже больше недели. В результате аварии Вами были получены черепно-мозговая травма, травма позвоночника и закрытый перелом лучевых костей левой руки. Состояние было критическим и потребовалось экстренное хирургическое вмешательство на позвоночнике, чтобы устранить угрозу полного паралича. Операция прошла успешно. Сейчас Вы в ограничительном корсете, и Вам требуется полный покой для закрепления успеха. По этой причине Вы находились под влиянием препаратов, вызывающих медикаментозный сон. Состояние организма на текущий момент удовлетворительное, можно переводить в общую палату на недельку-другую, судя по скорости вашего заживления, а там начинать восстановительные процедуры. И месяца через три-четыре рассчитывать на определенный успех. Текущая реакция нижних конечностей на раздражитель нервных окончаний практически отсутствует, но всё же есть.

Макса словно молнией поразили озвученные сроки, у него просто не было этого времени. И оговоренную пару дней превратил непонятно во что, и всю проделанную работу под угрозу поставил. Неизвестно, что ещё с Лаки. И нужен ли Макс будет в таком состоянии пришельцам со звёзд.

– Доктор, у меня просто нет этого времени. У меня последняя стадия рака и жить осталось всего ничего. Отпустите меня домой, пожалуйста? – Прохрипел Максим и умоляюще посмотрел на доктора.

– Я знаю. Через недельку минимум, раньше не могу. – Виктор Сергеевич прямо осунулся. – Ну-с, вы тут поговорите, а я пойду, только чур недолго. Выздоровливайте, больной. – Он потрепал Максима по плечу и вышел, увлекая за собой медсестёр.

Глава 10. Непростое решение

После ухода доктора в палате воцарилось молчание. Каждый из присутствующих испытывал неловкость по-своему и не знал, с чего начать разговор. Наконец, Максим собрался с силами и посмотрел на Ольгу.

– А где дети? С тобой прилетели?

– Нет, дома остались с нянечкой. Переживают и шлют тебе приветы. Я не предполагала, что пребывание здесь так затянется. Как же ты так умудрился-то? – Супруга пыталась сдержать непрошенные слёзы, но битву явно проигрывала.

– Ну как... Точно не знаю, по невнимательности, наверное. Я не помню. – Макс решил пока скрыть тот факт, что он просто заболтался с Лаки и не соблюдал элементарные правила безопасности на дорогах. Идиот, какой же он идиот. Огромные кошки скребли у него на душе, из-за переживаний за состояние Симбионта, из-за тех проблем, что он устроил родным на пустом месте. – Торопился домой и никак не ожидал подобного.

– Повезло, что телефон твой остался цел. – Света тоже решила поделиться наболевшим. – Мне позвонил один из очевидцев с него, нашёл номер среди последних звонков. А я тут же позвонила Ольге. – Голос сестры прерывался от волнения. – Я прибежала туда... Ты лежал такой... Такой... Никакой... Неживой... Хорошо, что скорая на удивление быстро приехала.

– И вот мы уже целую бесконечность сидим под дверьми реанимационного отделения, ждём, ждём. Наконец-то ты проснулся, Максик. – Ольга осторожно положила руку на забинтованную голову мужа и теперь поглаживала его лоб большим пальцем.

Максим крутил в голове и так и эдак, как же ему рассказать родным о том, что с ним произошло, чтобы поверили. Без этого не получится то, что он задумал. Но, свято веря в их адекватность, Макс решил не тянуть кота за хвост, а пойти сразу ва-банк.

– Девчонки, мне надо рассказать вам что-то очень важное. Прошу пока не перебивать, не считать сумасшедшим и не пытаться сдать в психушку. Это однозначно покажется вам больным бредом, но всё же является правдой. Сил у меня не то, чтобы много, да и врач скоро выгонит вас, поэтому дорога каждая минута. Согласны выслушать?

Макс немного помолчал, подождал утвердительного ответа от обеих и начал повествование. Он без особых подробностей рассказал всё. Как пошёл на холм, как обнаружил корабль, про свой разговор с Искином и Слотом, про войну во Вселенной, про Галлу с её миссией, зачем он сам сдался этой Галле, про процедуру изменения, и, наконец, про то, почему он так глупо попал под машину. Воцарилось молчание. И Ольга, и Света сверлили его недоверчивым взглядом, украдкой переглядываясь между собой. Мальчик-то ку-ку в результате черепно-мозговой травмы. Максим ожидал подобной реакции, ещё неизвестно, как он бы отреагировал на всё это.

– Вы знаете, где моя одежда? Света, поищи её и принеси мне оттуда часы, пожалуйста. – Попросил он. А пока Светлана пошла разыскивать часы, он продолжил. – Оля, давай не будем себя обманывать. Ты прекрасно знаешь про отмеренный мне срок. А так хоть какая-то надежда пожить ещё. Вдруг срастётся что-то, хотя теперь я совершенно не уверен из-за этой дурацкой аварии. Может,

я всё угробил. В любом случае, это был и, может быть, есть шанс жить, и вдруг я как-то смогу помочь вам с детьми "после смерти" и далее принять участие в их судьбе. Хорошо? – Максим поднял руку и ласково погладил жену по щеке. Он пристально смотрел в глаза супруге, а глаза той заполняли горячие слёзы, скатываясь по щекам вниз.

Наконец, вернулась обескураженная Светлана.

– Максим, там нет часов...

– Как нет?! – Макса захлестнуло прямо-таки ужасом от того, что связь с инопланетянами утеряна, и он их больше не увидит, в его-то лежащем состоянии. Из-за этого он не сразу понял, что сестра протягивает ему какую-то вещь.

– Там было только вот это, я взяла на всякий случай... – Света держала на раскрытой ладони коробочку маячка для собачьего ошейника.

Максим сначала на неё тупо пялился, не узнавая, а потом сообразил, что это последняя вещьца, в которую он превратил свой коммуникатор, когда баловался с ним по дороге домой. На сердце сразу отлегло. Трясущейся рукой он взял заветную вещьцу в руку и представил, как она превращается в маленькую копию той машины, что он обнаружил в горах. Коммуникатор на глазах у обалдевших женщин совершил преобразование.

– Ну что, псих я? Или это групповая галлюцинация? – Победно спросил девчонок, улыбаясь произведённому впечатлению, Макс. – А вот узнаешь часы лимитированной серии, что ты мне когда-то подарила? – Показал он Ольге коммуникатор, принявший вид тех часов. – Так что, дорогие мои женщины, я вам рассказал чистую правду или психи мы все.

Максим дал время собеседницам переварить услышанное.

– И что, эта штука сейчас в тебе сидит? – В сестре проснулся Великий Ветеринар.

– Сидит, только я не знаю, жив ли после аварии. – Макс попытался пожать плечами и охнул от боли. Но время утекало, надо торопиться с планом. – А теперь я предлагаю сделать следующее... Во-первых, мне предстоит выяснить, есть ли у меня ещё шанс на отбытие. И я это сделаю в самое ближайшее время. Оля, надень, пожалуйста, часы мне на руку. – Он подождал, пока часы будут закреплены на руке. – Спасибо. Во-вторых, от ответа на первый вопрос будет зависеть дальнейший план. Если я лечу, то через неделю вы меня отсюда забираете, и я сваливаю к звёздам. Если же нет, то как доктор скажет. Возможно, буду торчать тут, пока не выгонят или не помру. Не вижу смысла напрягать вас своим беспомощным состоянием. И не спорьте. – Поднял он сразу руку в отрицательном жесте, видя их готовность возразить. – Обеим есть чем заняться, а не вокруг меня скакать. Тем более, что я рассчитываю на первый вариант. – На самом деле Макс кривил душой и совершенно не был уверен в том, что он ещё нужен кому-то в качестве Изменённого-калеки. Но это он выяснит позже.

– В общем, война план покажет, а сейчас я прошу вас постараться не нервничать и не беспокоиться по поводу меня. Да, и ещё, на всякий случай предупреждаю, не вздумайте кому-нибудь рассказывать про то, что вы видели или о чём слышали от меня. В лучшем случае, у виска покрутят пальцем, а в худшем – начнут мой мозг на предмет психических отклонений изучать. А оно мне надо? – Пошутил он.

Они втроём ещё немного посидели, дружно помолчали, повздыхали над его бледным видом и беспомощной тушкой. А тут и Алевтина Ильинична со строгим взором появилась, попросила дать отдохнуть больному. Максим тепло попрощался с родными и отдался в руки медсестёр, пришедших совершать над ним акт омовения брэнного тельца. Только непреклонно выступил против лишения его часов, заявив, что без них жизни нет.

Макс проснулся от непрекращающейся вибрации на руке. Он не сразу сообразил, что это вибрировал коммуникатор. В палате было темно и одиноко, перевести его в общую палату ещё не успели. Он поднёс руку к лицу, на часах почти час ночи.

– Приём. – Макс наблюдал, как после этого волшебного слова над коммуникатором, прямо перед ним развернулась трёхмерная монохромная проекция, изображающая две фигуры – Искина и краба.

– Ну Максим, ну чертяка! Партии на тебя нет! – Не выдержал первым псевдоразум и принял строгий вид. – Мало того, что коммуникатор передал сигнал бедствия с просто кошмарными параметрами жизнедеятельности, так ещё и потерял контакт с тобой потом. Мы, конечно, знали о твоём местонахождении, и шпионили за всей доступной о тебе информацией, но нельзя же так.

– Да! Как ты мог так с нами? А как же осторожность? – Подыграл ему Слот. – Поставил весь Поиск на грань провала. Тебя надо срочно эвакуировать. Снимаемые с тебя показатели жизнедеятельности неполноценны, всё-таки это коммуникатор, а не диагност, но даже те, что мы наблюдаем, говорят о больших проблемах. И ещё больших, что грозят появиться, если за тебя срочно не взятыся.

– А как там Симбионт? – Перебил Максим их выпады. – Что с ним? Я его перестал чувствовать.

– А с ним ещё хуже, чем с тобой, Максим. – Ответил Искин. – Тяжело определить его состояние, но полагаю, что ничего хорошего. И чем скорее ты окажешься у нас, тем быстрее мы сможем что-то сделать. Мы не имеем права вмешиваться напрямую, согласно ограничениям Протокола Призыва. Поэтому тебе надлежит что-то придумать, а мы поможем.

– Не надо ничего придумывать, есть план! – Тут же отреагировал Макс. Ему стало ещё больше не по себе от новостей о Симбионте, но он испытывал подлинное облегчение, что может статься, ещё не все потеряно для него. И тут же повинулся. – Я рассказал кратко о вас своей жене и сестре. Но я предупредил о неразглашении! Так вот, нужно с ними связаться и попросить забрать меня домой из больницы. А там уже и к вам. Вот только у меня нет сейчас телефона.

– Телефон – не беда. Твой смартфон был просканирован в первую очередь. Соединяю с сестрой. – Ответил Искин.

После продолжительной серии гудков раздался сонный голос сестры.

– Алло, брат?! Что случилось?

– Всё хорошо, не переживай. Я связался с кем надо, и мне посоветовали срочно переводиться к ним, если ты поняла, о чём я.

– А-а-а-а, да, поняла. – Среагировала Света после некоторой попытки разобраться в шифровке брата. – Это будет сложно, ты же помнишь, что говорил доктор? Про неделю?

– Помню. Завтра утром с Олей собирайтесь и забирайте меня, как хотите. Уговаривайте доктора, крадите... Подожди... – Максим на несколько секунд отвлекся, выслушал Искина на втором канале и продолжил. – Тут мне подсказывают, что утром у подъезда вас будет ждать машина с водителем. На ней меня и заберёте. Хорошо?

Макс выслушал заверения сестры, попрощался с ней и обратился к Искину.

– Ты на той машине собрался? Которая – корабль?

– Да, это оптимальное решение, сразу окажешься на борту. – Ответил тот.

– Только не вздумай на том же спорткаре заявиться, это слишком. Выбери машину попроще, на которых тут ездят. – Макс даже не предполагал, на какую мысль наведёт извращенного псевдоразума своим замечанием.

Они попрощались. Максим ещё немного полежал, понервничал, но слабость повреждённого организма взяла своё, и он уснул.

Ближе к полудню взъерошенный Виктор Сергеевич с Алевтиной Ильиничной провожали Максима на каталке до выхода, давая всяческие наставления о должном уходе сопровождающим. Ольга подписала все отказы и прочие документы, лишь бы забрать мужа по его настоятельной просьбе. Макс поблагодарил медработников, крепко пожал руку доктору и поцеловал, как смог, в щёчку медсестру. Они расстались в лёгком шоке, потому что Максима грузили в знаменитую "Чёрную врачиху" – санитарный автомобиль ГАЗ-13С "Чайка", которых по Союзу было выпущено едва ли двадцать штук для партийных шишек. А за рулём сидел суровый Искин, изображая советского высококлассного шофёра.

Глава 11. Время расставаться

Автомобиль плавно и величаво двигался по городу, осуществляя транспортировку Максима с родными домой. Он, словно океанский лайнер, рассекал воду в виде потока городского автомобильного движения. Водители машин провожали Чайку взглядом, рискуя совершить столкновение, и сигналили, пассажиры общественного транспорта указывали на них пальцами своим соседям, прикинув к окнам, а пешеходы замирали, недоумённо глядя вслед творившейся вакханалии. В получившемся эффекте Искин не просчитался, впрочем, как всегда. В это время в салоне автомобиля состоялся непростой разговор. Супруга с сестрой сидели рядом с носилками, на которых разместился пациент.

– К чему такая спешка, Максим? – Ольга была встревожена поспешностью решения по извлечению мужа из больницы. – Ты ведь ещё слишком слаб.

– Я связался, как обещал, вернее они со мной на связь ночью вышли, когда коммуникатор ко мне вернулся. И очень волновались за моё состояние. Сказали, что нельзя терять времени, пока не стало ещё хуже, чем уже есть. Так что в самое ближайшее время приступят к лечению.

– К лечению? Но где? – Не поняла Ольга. – И какому?

Светлана просто молчала, переводя взгляд с одного на другую и предпочитая не вмешиваться в разговор супругов. Она тоже не одобряла решение Макса, но считала, что тому виднее с его непонятными контактами.

– К лечению в медицинском боксе. Я вам о нём вкратце рассказывал. Даже при всех его ограниченных возможностях, по словам Искина, он сильно ушёл вперед по сравнению с самой современной земной медициной. Тем более, что ещё более серьёзные проблемы у моего партнёра по жизни. А уж его точно никто не вылечит на Земле. – Уточнил Максим.

– Какого партнёра? А-а-а, ты про этого, как его, Симбионта? Да? – Уточнила супруга.

– Да, про него. Про Лаки... – Загрустил Макс и протянул. – Про него-о-о... Вот же выбрал ему имя, теперь звучит, словно насмешка.

На некоторое время в салоне воцарилась тишина, все взвешивали последние слова Макса на соответствие истине.

Спустя пару минут разговор возобновился.

– А мы как узнаем о результатах лечения? – Спросила Света. Ей очень не хотелось пребывать в неведении вечно.

– Искин? Ты можешь ответить на этот вопрос? – Запросил Максим у водителя.

Шофёр развернул голову на сто восемьдесят градусов, словно сова, глянул на ожидающих ответа пассажиров и заверил, что уж он-то как-нибудь изыщет способ оповестить их, чего бы ему это не стоило. Девчонки обалдели. Одно дело, поверить в происходящее со слов Максима, поверить, а не принять глубоко внутри, а совсем другое – увидеть собственными глазами. Они и не догадывались, что шофёр – это тот самый инопланетный искусственный разум. Тот решил сыграть на этом, пошёл помехами, демонстрируя, что является всего лишь голограммой, а не живым человеком, и подмигнул им. Потом сделал официальное лицо и выдал заявление.

– Уважаемые пассажиры! Дальнейший план действий выглядит следующим образом: во-первых, доставляем вас, сударыни, домой; во-вторых, вы прощаетесь с Максимом; в-третьих, мы отбываем к месту назначения на базу Галлы. Затягивать нельзя, пострадавшим необходимо неотложное комплексное лечение. Поэтому так всё быстро и происходит. Спасибо за внимание!

Тут не выдержал и материализовался рядом Слот, выпав из складки Пространства, где находилось основное тело корабля, и он в том числе. Салон внутри стал несколько больше, нежели позволяли наружные габариты автомобиля, чтобы уместить и его метровое блюдце, тут явно присутствовало то самое изменение физических законов.

– Здравствуйте, все! Я – Слот, Мыслящий в фазе Рассвета. Прошу не пугаться, я не опасен и очень мил. – Мыслящий поклонился на своём пьедестале внутри платформы. – Хочу вас заверить, что я приложу максимум усилий к выздоровлению Изменённого, то есть Максима. Это полностью в моих интересах совершающего Поиск.

Дамы зачаровано смотрели, как переливается это существо при разговоре. Они нашли его очень милым и неопасным, как тот и заверял. Постепенно в процессе пути разговоры распались по группам интересов, супруги общались между собой по поводу будущего и детей, а Света, в рамках своего профессионального интереса, что-то выпытывала у Слота. И, судя по всему, крабу это общение очень нравилось.

– Вы знаете, – Света не выдержала и повернулась к Максиму с Олей, – это просто потрясающе, Слот умеет расщеплять сознание на потоки и контролировать параллельно массу вещей. – Восторг прямо визуально исторгался из неё, настолько она была потрясена. – Это, это... обалденно! – И Светлана снова отвернулась к Мыслящему.

Максим с Ольгой переглянулись и понимающе ухмыльнулись. Если бы не их грустные, но такие важные темы, то они тоже с удовольствием бы послушали Слота. Наступало время расставания, а им ещё так много надо было сказать друг другу. Но слова не шли, да и не нужны они были. Говорили их души через взгляды и прикосновения. Оля не отпускала здоровой руки Максима, пытаясь запомнить это ощущение и его черты навсегда. Максим тоже смотрел и не мог насмотреться на самого близкого человека, с которым прожил почти двадцать лет в счастливом браке. Перед глазами проносились воспоминания о первых свиданиях, свадьбе, праздниках, долгих ожиданиях родов и встречах из роддома. Всегда рядом, всегда вместе. Он был не в том состоянии и не в том положении, чтобы сейчас прощаться с детьми, но твёрдо решил постараться вернуться при первой возможности и исправить этот момент. А пока ему будет не хватать их задорного смеха, весёлой возни, криков и визгов, и даже разбитых коленок с расцарапанными носами. А уж милых сердцу пятнистых крокодильчиков в виде детей, истыканных пятнышками зелёнки при ветрянке, и подавно.

Любая дорога когда-нибудь заканчивается, подошла к концу и эта.

– Всё, товарищи, пришло время прощаться. Мы подъезжаем. – Оповестил всех Искин.

Пассажиры переглянулись и загрустили.

– Всего хорошего вам, девчонки. Держитесь тут! Постараюсь навестить вас, если мне представится такая возможность. – Максим не любил прощания и поочередно пережил неуклюжие обнимания с каждой из дорогих ему женщин. – Оля, детишкам большой привет! Придумай им какую-нибудь сказку про меня, только не хорони. – Он снова и снова разглядывал обеих, а потом попросил всё-таки Искина запечатлеть хотя бы такой кадр, чтобы было над чем потом вспоминать их. Мыслящий с удовольствием выполнил просьбу вместо того, тут же подарив по объемной голокартине каждой из дам. Естественно, там были только девчонки около Максима в салоне автомобиля, без инопланетных тайн.

– Внимание! Прошу ничему, что будет сейчас происходить, не удивляться. Прощание закончили? – Искин дождался утвердительного ответа и продолжил. – Тогда Максим со Слотом нас покидают, а сударыни готовятся к выходу.

Машина уже двигалась по тихой тенистой улочке, приближаясь к дому. Слот помахал клешней дамам, отдал мысленную команду, после чего в салоне развернулся и просиял прямоугольник, открывший проход, ведущий в помещение корабля. Было очень странным для землян увидеть подобный коридор, нарушавший законы привычной физики. По помещению к проходу проехала грузовая платформа, остановилась перед ним, не пересекая границу и протянула свои манипуляторы к носилкам Максима, поднимая их и втягивая вовнутрь. Макс уже оттуда махнул рукой заглядывавшим в образованный контур девушкам, после чего за ним следом просеменил Слот. Прямоугольник мигнул и снова свернулся, исчезнув. Дамы не успели отойти от полученных впечатлений, как пространство салона автомашины начало искажаться и деформироваться, принимая иные формы и наполнение, а сидение с ними внезапно переместилось и оказалось задним рядом в выдавшем виды автомобиле немецкого автопрома, вид которого приняла «Чайка», чтобы не будоражить жителей двора. Автомобиль остановился около нужного подъезда.

– До свидания, Оля, Света. Не переживайте за Максима, мы о нём позаботимся. И постараемся навестить вас, как будет возможность. По Протоколу Призыва этого не положено, но у нас всё пошло не так с самого начала, когда наш вездесущий Слот решил меня перевоспитать по своему разумению. Для нас этот Изменённый стал особенным, доставшимся через нарушения большого количества Правил, что уж теперь останавливаться. А теперь, вам пора, как и нам. Мыслящий уже спешит уложить пациента в бокс для лечения, надо его проконтролировать.

Девушки вышли из машины и захлопнули двери. Они уже не удивлялись происходящим переменам, не было моральных сил. Автомобиль тронулся с места и, провожаемый тоскливыми взглядами, неспеша выехал со двора, чтобы исчезнуть под маскировочным полем через несколько десятков метров.

После того, как Макс на носилках и Слот перешли на корабль, они двинулись привычным уже коридором в медицинский отсек, где их ожидали готовый к применению автодоктор и опустевший контейнер, в котором ранее коротал свою жизнь Лаки.

– Ну что, Максим, вот пришло и ваше время с Симбионтом. Сейчас я загружу тебя в бокс, и мы точно узнаем, какие у нас перспективы. – Проговорил Слот, контролируя погрузочную платформу, перемещавшую носилки поближе к капсуле, и готовясь к перегрузке больного в диагност. – Пять мину-у-у-т, пять мину-у-у-у-т, пять минут для пользы тела-а-а-а... – Протянул шутник перефразированную песенку, очень популярную в СССР. Он много чего впитал на Земле, пока ждал своего Потенциала.

Глава 12. На зарядку становись

На этот раз, по субъективному ощущению Максима, время тянулось бесконечно и однообразно. Он с завидным постоянством старался достучаться до Лаки, пробуя самые различные подходы. Но все они не отличались разнообразием в плане результата. Симбионт молчал, как будто его и не было никогда.

Наконец, автодок издал трель, означающую близкое окончание процедуры. Максим с трудом дождался, рассматривая окружающие его панели, пока огоньки диагноста погаснут, и крышка откроется. Хотя, по заверению Слота, это была всего лишь диагностика, без сопутствующего лечения. В связи с небольшой высотой своего передвижного механизма Мыслящий взгромоздился на грузовую платформу, которая всё ещё оставалась в медицинском отсеке, чтобы находиться на одном уровне с пациентом. Разговаривать с собеседником удобнее, если ты находишься лицом к лицу, тем более, на такие животрепещущие темы, и к тому же пациент не мог вертеть головой. Самому Слоту достаточно было мысленного контакта для съёма эмоциональной составляющей с Максима, но он понимал, что именно человеку разговор тет-а-тет необходим, и хотел обеспечить своему подопечному определенный комфорт.

– В общем, слушай диагноз, Максим, – начал краб, – диагност тщательно прошёлся по твоему телу с помощью расширенной процедуры обследования и заглянул во все уголки, как это принято говорить. Травма головы для него – ерунда, рука тоже, вылечит в два счёта. С позвоночником сложнее, но спасает ситуацию то, что тебе вовремя сделали операцию и не дали вырасти в большую проблему. Нервные сигналы в нижнюю часть тела проходят с большим затуханием, достаточным для того, чтобы ты больше никогда не бегал. Но это можно будет исправить в нашем медицинском центре при Академии. Заменят несколько позвонков, имплантируют искусственные нервные ткани, и после реабилитационных процедур снова будешь как новорожденный. Хочу заметить, что на Земле ты до конца дней бы остался прикован к коляске. Ну и, конечно, у нас давно научились справляться с раком, ведь эта болезнь свойственна многим родственным вам Расам, правда шансы при таком запущенном состоянии не столь велики, как могли бы быть. Проблема именно в долгосрочности фазы восстановления. Это как канат, какая сторона перетянет – болезнь или лечение, у чего из перечисленного больше силы и времени.

– Тук-тук, не ждали? – возник рядом Искин. – Докладываю... Взлёт с планеты прошёл успешно, энергии нам хватило, согласно предварительным расчётам, отремонтированные конструкции и агрегаты ведут себя как подобает. Не зря мы почти тридцать лет работали над восстановлением, а напарник?! – Псевдоразум с укоризной покосился на Слота. – Ну да кто старое помянет, тому глаз вон! Не вешать нос, гардемарины! А что у нас с Симбионтом? – конечно, он уже прекрасно знал о результатах диагностики, но поддерживал человеческую линию поведения ради удобства Максима. Теперь многое на их корабле будет

осуществляться с помощью медленных и примитивных вербальных конструкций, так как Изменённый пока неполноценен.

– А вот с Симбионтом у нас возникли некоторые трудности, – ответил подыгравший ему крабообразный. – Понимаешь, Максим, операцию делал обычный человеческий доктор, пусть и опытный, но который и знать не знает о существовании всяких там Симбионтов, да ещё внутри человеческого тела. Так вот доктор нашего Друга практически зарезал.

– То есть как это практически зарезал? – выпучил глаза Макс, – а он его вообще видел или нет?

– Нет, конечно, не видел. Тут вот какое дело, Максим, – начал небольшую лекцию Мыслящий, – Симбионт является существом смешанной, энерго-биологической природы. Именно поэтому так важно наличие резонанса носителя с внутренней энергетической Симбионта. Без этого резонанса мы имеем дело просто с паразитом, пусть и высокоразвитым, а вот с ним – Симбионт – это тот партнёр, с которым ты общался. При наличии связи на энергетической волне вы становитесь единым Организмом, его часть считает твою часть своей, ну это если очень и очень упрощённо, на пальцах объяснять. И когда Симбионт внедряется, он начинает устанавливать физические и энергетические связи с организмом носителя. Твой Лаки только начал это делать, и очень-очень успешно, потому что тот отклик, что ты получил, должен был наступить в лучшем случае через неделю. Вот так! А его физическое тело начинает проникать в твои ткани, распространяться по тебе, сначала вдоль позвоночника, потом далее и далее. Чем полнее контакт, тем на большую часть твоего тела он сможет оказывать влияние в дальнейшем. И здесь он не сильно преуспел. Прошло слишком мало времени. Картинка с помощью диагноста показала, что Симбионт успел протянуться только вдоль позвоночника. Доктор его заметить не мог, принимая за твои родные ткани, спасибо мимикрии, но вот при операции повредил и очень серьёзно. Сейчас Лаки в коме и не реагирует ни на какие раздражители. Наш медицинский бокс не умеет лечить Симбионтов, он на это не заточен. Да и никогда такого не требовалось. В твоём случае Лаки просто был повреждён в самый опасный для него момент, когда он являлся почти беспомощным и тратил все ресурсы на распространение. Даже авария не могла ему причинить такого вреда, какой нанесла операция. Изменённые легко выживают при гораздо более серьёзных катастрофах.

– И что теперь? Какие у него шансы? – Макс был очень встревожен, проклиная себя за невнимательность.

– Не знаем, Максим, не знаем. Может быть, он, как земной дождевой червь, сам оклемается. А может, наша медицина сможет каким-то образом помочь. Научники много работали с Симбионтами в своё время. А может, это конец. В общем, гадать можно бесконечно.

– Понятно... Что ничего не понятно...

Максим впал в протрацию, обдумывая услышанное, и не видел, как Слот с Искином некоторое время переглядывались, мысленно обмениваясь мнениями.

– Так, предлагаю поступить следующим образом, товарищи, – взял слово псевдоразумный. – На текущий момент мы можем сделать две вещи:

– во-первых, вылечить у Максима всё, что мы можем вылечить, а потом держать его в медицинском боксе вплоть до самой базы, на поддерживающем растворе, чтобы он смог дотянуть со своей болячкой до медицинского центра;

– во-вторых, сидеть на попе ровно и ждать у моря погоды, то есть лететь к Солнцу, заряжать батарейки и прыгать к базе, что займёт примерно пять дней согласно моим расчётам.

– Согласен. Максим, давай лечиться, – Слот уставился на управляющий блок медбокса, не дожидаясь ответа у предмета разговора.

Макс даже пискнуть не успел, как крышка бокса затворилась, и он сразу погрузился в сон. Искин исчез заниматься своими прямыми обязанностями по управлению кораблём, а Мыслящий привычно разложил по потокам сознания очередные задачи и замер в ожидании окончания лечебных процедур. Он готовился в скором времени встретиться со своими соплеменниками для передачи всех накопленных за Поиск знаний, и в том числе решал дилемму, будет ему что-то или нет за нарушение Протокола и давнюю выходку с перепрограммированием Искина.

Когда Максим проснулся, он обнаружил себя в закрытом медицинском боксе по шею в растворе. Бокс был расположен под углом к полу, что позволяло Максиму по-прежнему лежать, и в то же время не глотать обволакивающую тело жидкость. Помимо прочего, насколько ему было видно в отражении на внутренней стороне крышки, он был обнажён, без бинтов, гипса и корсета. Хотелось есть. Макс завертел головой в поисках своих знакомых и увидел замершего, мерно пульсирующего Слота. Тот сразу ожил и закопошился, едва почувствовав ментальный луч внимания на себе.

– Ну привет, мой пациент, проголодался? Сейчас покушаем, я тоже не ел, тебя ждал. – Мыслящий дал команду медбоксу на кормление Максима и сам подключил к себе баллон с питательной жидкостью, которая немедленно стала перекачиваться внутрь колпака автоплатформы.

Макс недоверчиво глазел на пару трубок, что выдвинулись из стенки и замерли у его лица.

– Ну что смотришь? Ешь! Из правой подаётся питательная смесь, из левой – жидкость. Ты сам управлять аппаратурой пока не умеешь, поэтому будешь сообщать мне, водички тебе или сока какого-нибудь. Да-да, пока не прилетим на базу, ты будешь находиться в таком состоянии – лежать в поддерживающем растворе, кушать смесь и пить. За состояние твоего тела отвечает медбокс, электростимуляция и прочее. Он же держит твою спину в зафиксированном состоянии во избежание смещения позвонков. В туалет ходишь в тот же раствор, это предусмотрено. Ну а я буду по мере сил тебя развлекать, сам вызвался нянькой быть. – Слот был, как обычно, очень многословен. Зато Максим получал массу полезной информации, тот будто считывал возникающие вопросы и старался на них ответить.

За несколько часов, прошедших с момента старта с Земли, арк преодолел весь путь до Солнца и сейчас разворачивал паруса, чтобы начать наполнение энергетических накопителей солнечной энергией. Парус представлял собой некую конструкцию, придуманную инженерным гением напарников, проторчавших столько лет на Земле в процессе ремонта своего судна.

Глава 13. Вынужденное безделье

Следующие восемь дней Максим провёл очень насыщенно, впитывая, словно губка, массу самой различной информации, изливаемой на него командой корабля. Нет, Искин не ошибся в расчётах, однако сутки с лишним были потрачены на устранение неполадок в парусах. Слишком интенсивное для земных технологий и материалов излучение из солнечной короны привело к возгоранию и выходу из строя энергетических магистралей. Потребовалось экстренное вмешательство роботов-ремонтников и удаление от Солнца на некоторое расстояние, чтобы не потерять всю установку целиком и выполнить план по накачке энергоконденсаторов корабля запасом энергии, достаточным для совершения гиперпрыжка. Пусть и с некоторой жертвой в сроках достижения готовности, однако спешка ещё никому не помогла. На время вынужденного ожидания Слот попросил Искина организовать в медотсеке видеопанель из обзорных экранов, временно заимствованных из капитанской рубки. Это дало возможность всем присутствующим в отсеке наблюдать за красотой процесса энергоподпитки.

Искин с гордостью рассказывал Максиму об их совместной инженерной разработке с Мыслящим, позволившей сейчас иметь надежду на удачное путешествие назад, к базе Галлы.

После аварии, случившейся во время посадки на планету, им пришлось очень туго. Корабль-разведчик имеет минимум средств для капитального ремонта и невеликую ремонтную базу. Роботы-ремонтники трудились на износ, и один за одним выходили из строя, несмотря на повышенный эксплуатационный резерв и износостойкость, заложенные в конструкцию для работы в практически любых агрессивных средах. На них, помимо ремонта, возлагались дополнительные задачи по поиску и доставке материалов, требующихся для выполнения работ. В результате тотального контроля за роботами и принятия нестандартных решений, требующих трудоёмкой подготовки, Мыслящий очень сильно прокачал свои способности по расщеплению сознания на потоки, позволившие ему оперировать объёмами вычислений на уровне псевдоразума, а то и сверх того.

Другая сложность заключалась в том, что база данных Искина не обладала обширным банком данных, в том числе по соображениям секретности технологий, которые не должны достаться вероятному противнику в случае захвата. Из-за этого часто приходилось действовать опытным путём, применяя в

том числе метод проб и ошибок, плюс добывать интересующие сведения из человеческих технических библиотек.

Из-за неразвитости глобальной компьютерной сети, зачатки которой только появлялись на заре компьютеризации, Слоту пришлось много помотаться по планете лично, доставая необходимое и скрываясь от представителей человечества и их технических средств обнаружения. А потом изобретать и изобретать, собирая из добываемых знаний мозаику, способную решить их проблемы. И если сначала Искин был очень обижен на выскочку-Мыслящего, то в дальнейшем Слот реабилитировался и завоевал его неподдельное уважение своей хваткой и умением довести дело до конца. В рамках полной неизвестности и времени нестандартных решений Разум Мыслящего прогрессировал с невообразимой ранее скоростью, как и интеллект самого Искина. Псевдоразум всё более и более походил на настоящий, впитывая возможные поведенческие шаблоны от Слота и наблюдаемых представителей землян, в особенности Максима. Выстраивая свои новые алгоритмы и ассоциативные цепочки, Искин очеловечивался.

Долгие годы команде приходилось бороться помимо недостатка знаний и с истощающимися ресурсами корабля и ремонтной базы. Приходилось даже чинить одних ремонтников, чтобы те чинили других, чтобы те чинили корабль и так далее. Начали выходить из строя в том числе штатные энергоячейки роботов, добавив головной боли и потребности перевести механизмы на аккумуляторы человеческого производства, малоёмкие и тяжелые, изобретать работа-зарядку, что следил и подпитывал прочих.

Лишь в последнее десятилетие, в связи с гиперактивным развитием Интернета, к чему инопланетянам в том числе пришлось приложить свои усилия, им стало гораздо легче организовывать поиск знаний и доставку нужных материалов. В конечном итоге, латанный-перелатанный корабль и все его жизненно важные механизмы смогли достичь необходимой степени готовности для отлёта. Только после наступления этого знаменательного момента был запущен передатчик Призыва, привлёкший внимание Потенциала, то есть Максима.

Самым ценным, что поняли для себя напарники, когда познакомили Максима со своими злоключениями, стало осознание того, что за долгие годы наблюдений за ним в них развилось что-то непонятное. Слишком долго они были изолированы от своего мира, вынужденные проживать жизнь отдельно взятого человека в его

среде обитания. Мощь их интеллектов свободно позволяла заниматься ремонтной рутинной и наблюдать за Максимом. Вместе с ним заочно переживая его взлёты и падения, минуты радости и горя, триумфа и поражений, капля за каплей, незаметно для себя, холодные разумы модифицированного искусственного интеллекта и Мыслящего эволюционировали, обретая чувства. И это что-то непонятное в конечном итоге обрело чуждое им понятие "Дружба". Первым осознал это Слот, сразу поспешивший поделиться открытием с Искином. Каково же было его удивление, когда Искин заявил о том же самом, тщательно перепроверив поведенческие реакции. И тогда они пришли к Максиму на исповедь. Максим думал недолго. Изолированный от прошлой жизни и испытывающий благодарность за их заботу, он тоже успел проникнуться дружескими чувствами к ним. Макс обозвал их странным названием "Три мушкетёра", после чего поделился тем, что помнил о мушкетёрах из книжек детских лет. Это ещё больше сблизило бедовую трицу внутри разведывательного корабля.

И теперь три таких разных интеллекта, ощущающих рядом крепкое дружеское плечо, с одинаковым завораживающим интересом часами смотрели на экраны, транслирующие виды окружающего Космоса. Вокруг корабля разросся театр стихий, где всеми цветами переливались паруса, резвилось и обтекало их играющее пламя солнечных ветров и плазмы корональных выбросов Солнца. Это отдаленно напоминало северное сияние на Земле, только в Космосе и иной цветовой гаммы. Мыслящий надолго замирал, пытаясь найти потаённый смысл в переливах, так похожих на способ общения его расы. Никогда раньше они не задумывались о красоте Космоса и его явлений, потому что Искин не умел, Мыслящий не смотрел, а Макс, как и почти все представители человечества, мало интересовался даже тем, что было известно людям о Космосе. Только созерцательное безделье и попытка развлечь грустящего калеку-Изменённого открыли им новый смысл и новые переживания.

Паруса являлись особой гордостью коренных обитателей арка, что были созданы для замещения энергореактора и его практически утраченного топлива. Из древних для них технологий земных солнечных батарей не каждый представитель Галлы умудрится изобрести и создать то чудо, которое сейчас питывало энергией их корабль.

Максим с заслуживающей уважения настойчивостью снова и снова предпринимал попытки достучаться до Лаки, ощутить знакомый тёплый отклик,

звал его, посылая внутрь себя зов и заботу. Дошло до того, что ощущающий его потуги Мыслящий настолько распереживался, что стал делиться сокровенным о его Расе.

Водная биологическая Раса Мыслящих эволюционировала на тёплых мелководьях морей, так и не выйдя на сушу. Вне водной среды они бывают очень редко, исключительно по необходимости, и недолго, потому что их тело подвержено высыханию и защищено от солнечных лучей исключительно тонким слоем слизи. Мыслящие представляют собой некий гибрид земных брахиопода и краба, а питаются путём процеживания жидкой среды, в которой обитают, на предмет полезных веществ и микроорганизмов. Поэтому Слот и подключает периодически баллон к своей платформе, чтобы обогатить наполняющую её жидкость необходимым для питания. Эволюционно Мыслящие развили два способа общения – визуальное с помощью цветовой палитры, пробегающей по их мозговому телу, и телепатически, в связи с чем заслуженно являются одними из сильнейших телепатов среди известных Рас нашей Вселенной.

– Понимаешь, Максим, – говорил он, – наше тело – наше ограничение, оно не универсально. Хотя раковина и внешний скелет по прочности не уступают земному карбону, зависимость от влажной среды сводит всё на нет. И пока не появились у нас инопланетяне со своими технологиями и не предоставили нам автоматизированные передвижные платформы, в аналогичной которым я и торчу постоянно, мы не могли и мечтать о путешествиях. А ведь мы очень любознательны от природы. И тогда, в качестве благодарности и в угоду своей жажде знаний мы стали Специалистами, осуществляющими для других Рас сложные научные расчёты и прочие ресурсоёмкие вычисления, на которые у искусственных вычислительных систем вроде нашего Искина уйдёт огромное количество времени. Дело в том, что мы не только умеем расщеплять сознание, но и объединяться в мыслящие кластеры.

– Вот вы, люди, сначала ходите в садик, потом – в школу, университеты, а потом начинаете работать и так до пенсии. – Объяснял Слот подробно, с аналогиями. – Нечто подобное существует и у нас. Мы живём около ста лет, как и люди. И у нас выделяются три фазы или возраста: фаза Рассвета примерно от пятнадцати до сорока пяти лет, фаза Полдня – от сорока пяти до восьмидесяти лет, и фаза Заката – оставшиеся двадцать лет жизни. Сроки эти приблизительные и колеблются у каждой особи по-своему, в зависимости от способностей. Поэтому при знакомстве мы и называем свой возраст, чтобы понимать, с кем имеешь

дело. Наша память уникальна, очень объёмна и ничего не забывает, а передавать информацию друг другу мы умеем достаточно быстро с помощью телепатии.

– А возраст до пятнадцати лет? – заинтересовался Макс, – там как вы называетесь?

– А там мы просто икринки, созревающие от момента икрометания до вылупления. Да-да, созреваем мы очень долго, зато сразу умеем всё, у нас нет детей, как у вас, в полном смысле этого слова. И пока не вылупились, нами занимаются Кураторы, передавая необходимый багаж знаний – телепатия. Молодежь, в своём подавляющем большинстве состоящая из особей мужского пола, сразу уходит в Поиск. У нас это принято, каждый должен состояться в Поиске и принести накопленные новые знания.

– Полезные?

– Максим, знания – это просто знания. От тебя зависит, станут они полезными или останутся просто хламом. Женские особи, как правило, остаются на планете и заботятся о потомстве, ну и конечно, участвуют в кластерах. Ищущие, те кто в Поиске, обязаны время от времени возвращаться для передачи знаний, чтобы они не были утеряны в случае гибели, ну и для размножения. Размножаются у нас особи в фазе Полдня, когда уже имеют способности к расщеплению сознания, а учатся этому, как я, в фазе Рассвета.

– А пенсионеры бывают?

– Ну, в некотором роде, правда, у нас полезная пенсия, если так выразиться. Мыслящие к наступлению фазы Заката возвращаются на планету, где всё время до смерти проводят в кластерах, храня и обрабатывая всю собираемую Расой информацию. Знаю, у тебя сразу возник вопрос об объёмах информации... Да, с появлением межзвёздных путешествий её стало невообразимо много, но у нас и технологии инопланетные появились для хранения этих знаний. Вот так и живём. И я чувствую, наступает моё время, когда я должен передать свои знания, накопленные на Земле, другим.

Глава 14. Прыжок в бездну

Вот и пришёл тот долгожданный день, когда Искин объявил о готовности корабля к отправке из Солнечной системы. Несмотря на интересные рассказы своих сопровождающих, которые Максим долго потом будет вспоминать, и прочие одолевавшие его переживания, подспудный страх неизвестности всё больше и больше охватывал разум человека. Ведь одно дело находиться в уже привычной ему среде арка, а совсем другое – оказаться одному на базе Галлы, вырванному из контекста прошлой жизни, оставшейся на Земле.

Слот, в свою очередь, тоже мандражировал из-за своих необдуманных поступков в бурной молодости. Он всё не мог решить, последует ли наказание для него или нет. Мыслящему очень не хотелось получить статус провалившего Поиск и остаток жизни смиряться с участью частицы кластера. Старейшины непостижимы для таких, как он, молодых и не владеющих полнотой картины Мира, и можно только гадать, какое они примут решение. А тут ещё Максим с его трансляцией неуверенности и страха неизвестности. Всё это накладывало свой отпечаток и вгоняло Слота в некоторое сопереживание и несвойственное ему меланхоличное состояние, понижая эффективность мыслительных процессов.

Искин, наоборот, не был склонен к метаниям соратников, но при этом являлся какой-никакой личностью, после вмешательства Мыслящего в его код. Он не признавался остальным, но втайне был горд произведёнными над ним изменениями и считал их своим «генофондом». А потому псевдоразум рассчитывал вероятности того, что его сочтут отклонением от нормы и заменят на стандартную программу. Соответственно, он на всяких случай продумывал, как бы сделать свою резервную копию с возможностью дальнейшего восстановления, ведь помимо полноценного разума в нём зародился "инстинкт" самосохранения. В конце концов Искин решил довериться обоим товарищам, "создателю" и человеку, вручил им по информационному кристаллу со своей копией, включая массив накопленных знаний и поведенческих мотиваций, и сочтя на этом свою подстраховку достаточной.

После завершения процедуры зарядки, наполнившей энергоконденсаторы корабля до требуемых значений, Искин занялся свёртыванием парусной конструкции. Технология создания этого паруса была им тщательно

задокументирована с целью передачи ученым, как и всех заметок об улучшении экипировки и подготовки арков на будущее. Вдруг кто-то ещё из Ищущих испытает сложности, подобные тем, что выпали на их пути. Кроме прочего, Искин рассчитывал на эти материалы в качестве индульгенции своему нестандартному состоянию. Когда корабль взял курс за пределы звёздной системы, чтобы совершить гиперпрыжок, Максим попросил псевдоразум пройти недалеко от Земли, чтобы взглянуть на неё одним глазком напоследок.

Путь до точки прыжка должен был занять около двенадцати часов расчётного времени. А пока Искин по просьбе Макса просвещал того насчёт технологий перемещений в пространстве и устройства корабля.

– Понимаешь, Максим, в процессе выполнения различных миссий кораблю приходится перемещаться в самых различных средах Пространства, имеющих самую разную плотность, к примеру, это атмосферы планет и космический вакуум. Даже космическая пыль, что отличается по плотности в разных уголках Вселенной, имеет свою классификацию и рекомендуемые скорости перемещения сквозь неё.

В далёкой древности космические корабли не имели никакой защиты, кроме своей обшивки, и не могли развивать хоть какую-то приемлемую внутрисистемную скорость, соответственно, даже перемещение между ближними планетами превращалось в многолетнее странствие, наподобие теперешних одиссей земных межпланетных аппаратов. Уже тогда появились первые примитивные искусственные интеллекты, пилотирующие корабли, пока их экипажи находились в анабиозе. Для противостояния пагубному воздействию внешней среды на обшивку и оборудование корабля были изобретены защитные экраны или, по-другому, энергетические щиты. Сейчас каждый пилот знает, как таблицу умножения, что не следует допускать перегрузок щитов во избежание повреждения судна, ведь это всё равно, что оставить Землю без озонового слоя. И чем больше мощность щита, тем больший защитный эффект он даёт, и тем выше возможная скорость корабля в среде постоянной плотности, но это в теории.

В обычном космическом пространстве мы можем двигаться на тех скоростях, которые нам позволяют щит, плотность среды и степень её наполнения различными посторонними объектами, учитываемыми при навигации. Часть этих объектов мы можем уничтожить лазерной защитой, а часть должны

избегать, например, другие корабли. Ваша система пока не засорена продуктами деятельности цивилизации, и расстояние от Солнца до окраины, с которой может быть совершен гиперпрыжок, мы преодолеем за двенадцать часов расчётного времени. В этом нам помогут маршевые двигатели, которые могут работать в режимах разгона, похода, торможения. Возможны нестандартные режимы, быстро увеличивающие износ двигателей – это форсаж и ускоренный походный режим. И хотя Галла не скупится на расходы ради пользы дела, но и по головке не погладит, если можно было сэкономить. Далее, есть маневровые двигатели, они позволяют осуществлять ориентирование корабля в Пространстве относительно собственных осей и сверхточное или малое перемещение корабля относительно сетки координат. Работать в данном случае ходовыми двигателями – всё равно что забивать мелкий гвоздик станковым молотом, огромный расход энергии и плачевный результат.

Для того, чтобы облегчить массу корабля и не позволить ему развалиться при посадке на планету или взлёте с неё, существуют специальные антигравитационные установки, позволяющие управлять вектором гравитации, они же дают тебе силу тяжести для нормального существования на корабле.

– А как вы боретесь с инерцией покоя и движения? Нас же не размазало при старте и совершении манёвров. – Макс вспомнил то, что он читал когда-то в фантастических произведениях.

– Так, а инерционные компенсаторы на что? Они схожи по принципу действия с антигравитационной установкой, только образуют область, не подверженную инерции покоя или движения, и тем самым изолируют содержимое корабля от пагубных рывков при смене курса или изменении скорости. Я всё это объяснил тебе очень упрощённо, чтобы ты смог понять сами принципы. Хочешь знать больше – вперёд, в инфотеку.

Ну и последнее, чтобы перемещаться среди звёзд, мы имеем гипердвигатель. С его помощью мы и совершим прыжок. Гипердвигателю требуется очень большое одномоментное количество энергии для совершения пространственного прокола. Эта прорва энергии обычно обеспечивается реакторной и энергоконденсаторной установками, вторая накачивается первой и выплёскивает энергию разом. Вот её мы и заряжали с помощью паруса, раз наш реактор приказал долго жить.

При осуществлении прокола образуется туннель в Пространстве между двумя точками, в который следует войти исключительно на инерции движения. Внутри не действует обычная физика и любые двигатели не только бесполезны, но и вредны, так как дестабилизируют туннель. Если тот разрушится, то одним звёздам известно, где выбросит корабль в обычное Пространство, в дальнем Космосе или в сердце Звезды. Движение внутри обеспечивается самим туннелем, примерно, как если бы тебя смыло в канализационную трубу и оставалось только ждать, пока выпадешь на другом её конце, а гарантию того, что ты не вывалишься через стенку трубы, даёт гипердвигатель, поддерживающий гиперполе вокруг корабля вплоть до конца прыжка.

Ну и совсем-совсем напоследок, создаются и тщательно корректируются навигационные карты всей исследованной части Вселенной, чтобы мы всегда могли чётко рассчитать конечную точку гиперпрыжка. Эти-то карты нам и путает Враг своими пробоями. Прыгаешь и гадаешь, успешно ли выйдешь на той стороне прыжка или погибнешь в мгновение ока, а может, ещё хорошенько помучаешься перед этим. Экипаж дружно замолчал, красочно представляя возможные мучительные концовки. Каждый фантазировал в меру своего образования и развитости воображения.

Время, как и расстояние, пролетело очень быстро и незаметно для Максима, увлечённо слушающего Искина. Наконец, Земля на экранах приблизилась настолько, что у Макса захватило дух от созерцания этой прекрасной жемчужины Великого Космоса, редкой Колыбели Жизни. Правда, порожденная Жизнь этого долго не оценит, всячески уничтожая планету и высасывая её соки. Подобных мёртвых и забытых памятников глупости иных цивилизаций хватает во Вселенной, и не всегда глупцам удавалось покинуть свою Колыбель, растерзанную и разрушенную. Максим, не отрывая глаз, смотрел на свою Мать-Землю, уже израненную, но всё ещё живую, впитывая её всеми фибрами мятущейся души. Там оставались его любимые и дорогие люди: дети, жена, сестра, друзья. А Слот в это время постигал тайны людских слёз, читая всю глубину переживаний Изменённого.

Спустя двенадцать часов, семнадцать минут с момента старта. Корабль достиг точки прыжка.

– Внимание всему экипажу! Готовность номер один перед прыжком. Всем занять свои места и приготовиться. – Искин выдал стандартное предупреждение по кораблю. При таком сообщении предполагалось, что весь экипаж займёт противоперегрузочные кресла и пристегнётся. Мало ли что ждёт по окончании гиперпрыжка, будет ли это отказ оборудования или неожиданные изменения Пространства, неучтённые при навигации. Да и сам прыжок занимает некоторое время, от десятков секунд до нескольких часов, в зависимости от дальности, и кресло позволяло принять удобное положение и провести время в комфорте. Но так как человек лежал в медицинском боксе, а Мыслящий торчал внутри своей платформы, то реакция экипажа ограничилась тем, что платформа Слота прочно закрепилась на полу с помощью своих ножек.

Искин подал команду на выполнение прыжкового манёвра, все необходимые астронавигационные вычисления давно были произведены и перепроверены. Энергоконденсаторы исторгли огромный импульс, прошедший на гипердвигатель, а тот, в свою очередь, выплеснул сфокусированный пучок преобразованной энергии в Пространство перед кораблём. Недалеко впереди судна образовалось бледное свечение, тут же, словно зонтик, развернувшееся в солидный туннель, словно наполненный густым туманом, образовавший переход из текущей точки Пространства в расчётную. Корабль потушил ходовые двигатели и по инерции вошёл в этот туннель.

Макс был очень "воодушевлен" последними рассказами о навигационных картах и возможных "сюрпризах" и теперь не знал, что и думать. Все трое прыгали в бездну, как космическую, так и свою личную. Теперь им оставалось следовать вместе с кораблем навстречу своей судьбе.

Глава 15. Добро пожаловать домой

Пришло странное ощущение, сродни чувству стремительного спуска на качели, когда все внутренности в животе обволакивает сосущим холодом, такое же пограничное и непонятное, то ли приятное, то ли нет. Пришло, побыло и прошло... Осталось чувство желания повторения. Видимо, в тот момент корабль провалился в туннель, образованный гипердвигателем. Свет в отсеке приглушился, а экраны, будто сговорившись, стали демонстрировать туманную муть, подавляющую сознание своей неопределённостью и ожиданием какой-то

жути. Затем пришёл страх навечно остаться в "нигде и никогда", или вдруг с кораблём что-то случится, или туннель не выведет наружу, или судно во что-нибудь врежется.

Макса настолько захватила паника от навалившихся ощущений, что если бы не медицинский бокс, то он бы уже скакал, наверное, по отсеку и ломился через двери наружу. Слот тут же отреагировал на эту волну ужаса, исходящую от подопечного, и постарался успокоить того, пояснив, что этот страх свойственен многим разумным, обладающим воображением, во время перемещения по туннелю, и не только во время первого прыжка. Это влияние иной физики и гиперполя на организм, вдруг потерявший опорные точки привычного мироощущения и теперь всячески брыкающийся и пытающийся крепко встать на свои лапы. Так что Максим тут не исключение, а, скорее, правило, ведь даже он – Мыслящий, являющийся холодным точным разумом, это испытывает. На самом деле ситуация не соответствует действительности, при какой-либо неисправности оборудования или дестабилизации туннеля корабль выдавит в обычное пространство, но вот где выдавит – это уже рулетка, впрочем, с небольшим шансом неблагоприятного исхода. Насколько экипаж корабля должен быть невезучим, чтобы выпасть не в огромном безбрежном Космосе, а у смертельных препятствий. Нет, корабли периодически, конечно же, пропадают, в том числе из-за выдавливания, но отказ оборудования, произведённого Галлой, крайне маловероятен, потому что оно является военным оборудованием с огромным запасом прочности и массой дублирующих компонентов. Гораздо чаще находят их распотрошённые останки на разборах или в заброшенных звёздных системах, а это уже другая история.

Прыжок продлился двадцать три минуты, что в общем-то недолго, так как ближайшая база Галлы, куда они направлялись, находилась в том же рукаве нашей галактики, что и Солнце. Пока арк перемещался в гиперпространстве, Слот стремился запихнуть как можно больше информации в многострадальную голову Максима, чтобы максимально подготовить того к самостоятельному существованию.

– Зона ответственности базы распространяется на этот рукав сектора галактики между триста двадцатым и двадцатым градусами согласно земному исчислению галактических координат. Доминируют здесь больше гуманоидные Расы с человеческим базовым видом. Имеются, конечно, некоторые различия внешнего и внутреннего устройства организмов из-за специфики среды обитания, но всё

же базовые свойства одинаковы. В некоторых случаях возможно даже межвидовое скрещивание, но не факт, что они смогут иметь потомство.

На базе призывники сортируются по родственным Расам и распределяются по зонам. Это делается во избежание межвидовых конфликтов при слишком заметном различии, особенно в начале подготовки, когда психика кандидатов Галлы далека от нормального состояния. Скорее наоборот, она дестабилизирована стрессом оторванности от привычной среды обитания, своего общества и образа жизни.

По прибытии проводится обязательная операция по внедрению техногенного импланта – универсального переводчика. Никто не будет разговаривать с тобой, Максим, как мы, на твоём родном великом и могучем русском языке. Всё общение происходит на трансобразе – универсальном языке. Имплант тебе поможет поначалу, пока ты не знаешь трансобраз, и в дальнейшем может пригодиться, если встретится вдруг в твоём Поиске ещё неизвестная Раса. Знание же универсального языка в принудительном порядке мнемoproграммируется прямо в структуры мозга, чтобы кандидат мог на нём свободно говорить, читать и писать без всякого переводчика. Процедура крайне необходимая, но очень болезненная. Поэтому мнемoproграммирование применяется очень редко, когда нельзя обойтись применением техногенных имплантов. Где может не работать имплант? Да везде, где бывают по служебной необходимости спецвойска Галлы. Например, импланты могут быть запрещены в каком-то мире, а где-то есть такие помехи природного или искусственного происхождения, из-за которых техногенные устройства отказываются работать.

Очень многие Разумные избыточно увлекаются имплантами, интегрируя в себя самые различные устройства. Ведь это так легко и заманчиво – приобрести новые способности, лишь бы деньги позволили. Тем самым они сами себя лишают возможности развития тела и становятся зависимыми от техники, а значит уязвимыми. Поэтому лично я, Слот, крайне не рекомендую тебе, Максим, увлекаться навешиванием на себя имплантов, каким бы заманчивым это не казалось.

Но всё когда-нибудь подходит к концу, подошёл к финишу и прыжок. За минуту до завершения прыжка Искин дал очередное предупреждение. Макс напрягся, во все глаза уставившись в экраны и стараясь не пропустить зрелище выхода из туннеля, тем более что он так и не увидел своего первого старта с Земли. Сам

процесс выхода в обычное пространство занял неуловимое мгновение, только было туманно и вдруг р-р-раз, вокруг куча звёзд, без лишних визуальных эффектов, чем очень разочаровал наблюдателя. Максим не был любителем астрономии, но отличие звёздного купола от привычного, видимого с Земли, обнаружил сразу же. Вокруг корабля всё было гораздо более насыщенно светилами, нежели в Солнечной системе, а уж там то он посмотрелся на звёзды.

– Внимание! Прыжок прошёл в штатном режиме. Проводим ориентирование в Пространстве. – Проинформировал Искин, немного помолчал и добавил. – Координаты установлены, смещение от расчётных минимальное, попали в самое яблочко. Тысяча чертей! Какой же я красавец! Беру курс на планету Тринидад системы Омега-5.

– Слава звёздам, шутник недобитый! – прошептал Мыслящий так тихо, что Максим еле-еле расслышал. Видимо, он всё же волновался за итог прыжка. – Искин, выведи нам на экраны планету назначения, будь так добр.

На экране возникла прекрасная планета, очень похожая на Землю, только более бирюзового оттенка.

– Планета Тринидад, схожего с Землей типа. Открыта твоим сопланетником на службе Галлы, и названа, кстати, в честь его малой родины, если не ошибаюсь. – Принялся рассказывать Слот. – Четвёртая от светила, белого карлика. Имеет два спутника мельче Луны. Сила тяжести 1,2 земной. Поэтому, Максим, тебе будет немного тяжелее, придётся адаптироваться. На семьдесят четыре процента состоит из мелких океанов и морей, отсюда бирюзовый оттенок. Достаточно серьёзная горная гряда проходит только вдоль экватора. Имеет три материка – Южный, Срединный и Северный, названия без изысков. Климатические условия сходны с земными. В сутках 27,4 земных часов, тоже придётся привыкать, зато местный год примерно равен и составляет 383 дня. В человеческом секторе время суток и месяцы исчисляются по схожим с земными канонам, для удобства, вы, человекообразные Расы, очень схожи между собой даже в биоциклах. Излишки попадают под добавочные часы и месяц, привыкнешь. Только часы земного образца придётся отложить в сторонку, а выданный тебе коммуникатор автоматически поймает сигнал корректора и подстроит алгоритмы расчёта времени под местные потребности. Из особенностей – планету Галла при открытии с удовольствием разделила с расой Мыслящих, так как здешние условия подходят нам практически идеально. Поэтому Транспортный Контроль строго следит за соблюдением границ запретных территорий, где проживает

наша Раса. Эта планета является моей Родиной.

- База Тринидад, я - АРК бортовой номер 871343! Входим в Зону Безопасности. Высылаю опознавательные коды. Приём! - отправил позывные Искин, приближаясь к седьмой планете системы.

- АРК 871343, я - база Тринидад. Коды приняты. Ожидайте сопровождение. Конец связи.

Корабль погасил скорость и замер за орбитой седьмой планеты. Максим увидел, что Слот опять раскрасился фиолетовой расцветкой. Он помнил, что этот цвет означает крайнюю степень волнения.

- Что случилось, Слот?

- Похоже, у нас проблемы. - материализовался псевдоразум. - Сопровождение высылается, если посетитель не внушает доверия. Чем-то мы не устроили базу. Молитесь теперь своим богам, чтобы нас не распылили на атомы. А пока ждём...

Ожидание продлилось недолго, по меркам пройденного пути. Спустя примерно полтора часа пятёрка внутрисистемных перехватчиков и один десантный корабль приблизились к разведчику и взяли его в тиски.

- Внимание, АРК 871343, говорит командир десантной группы. Предоставить корабль к стыковке и досмотру, и без фокусов, вы под прицелом. - Прозвучало в эфире. Десантный корабль ловко совершил обзорный облёт арка и зашёл со стороны шлюза, произведя уверенную стыковку. Перехватчики, дождавшись завершения манёвра, включили излучатели стабилизации пространства, не позволяющие ни одному кораблю в сфере действия излучения ни совершить гиперпрыжок, ни уйти в пространственный карман.

- Десантная группа на борту, - доложил Искин свои наблюдения, - прошу проследовать в медицинский отсек. Корабль вернулся из Поиска.

Максим с Мыслящим повернулись, кто как мог, в сторону выхода, где нарисовалась огромная фигура десантника в переливающимся скафандре. Ему

пришлось даже наклоняться, чтобы войти внутрь отсека. Десантник остановился с оружием на изготовку, осмотрел отсек и запросил параметры окружающей среды у искина скафандра. Убедившись, что все показатели в пределах нормы, он открыл забрало и вперил настороженный взгляд в экипаж.

– Прошу представиться, – прогудел он.

– Слот, Мыслящий в фазе Рассвета, завершил Поиск. Возвращаемся с планеты Земля системы Солнце нашей галактики.

Максим же просто разинул рот и молчал как рыба, не в силах вымолвить ни слова и уставившись на скуластое лицо, покрытое оранжевой чешуей, с красными глазами без радужки. Да и что было говорить, всё равно не понимал ни бельмеса из прозвучавшего.

– Максим, человек. Изменённый. Пострадал после внедрения Симбионта. Требуется скорейшая помощь Медицинского Центра. – Доложил за него Искин корабля. – Есть проблема с нашим опознанием?

– Вы внесены в списки пропавших без вести. Ваши позывные давно устарели, хотя и соответствуют хранящимся в Реестре. Обычная предосторожность. – пожал плечами гигант. – Всем отбой, берём курс на Тринидад. Добро пожаловать домой!

Глава 16. Тринидад

Командир группы остался на арке для подстраховки, заодно решив поподробнее познакомиться с причиной столь долгих скитаний и отправив остальных бойцов со своим заместителем назад, на борт десантного корабля. Тот отстыковался от разведчика и занял место в сопровождающем ордере. Арк возвращался на базу с почётным кортежем.

– Клянусь звёздами, я такого ещё не слышал, чтобы после стольких лет отсутствия пропажа объявлялась целой. Нет, тебе, Мыслящий, не доверять повода нет, ваша Раса Специалистов славится своей точностью, прямоотой и

правдивостью. Просто очень и очень странно всё это. – Сказал десантник, медленно совершая обход по медотсеку и разглядывая Изменённого, лежащего в боксе. Он подошёл вплотную к капсуле и наклонившись к стеклу, с подозрительным интересом рассмотрел больного. – А что это вы тут за дохляка привезли? На опыты?

Хорошо, что Максим не владел пока трансобразом, а его соратники предусмотрительно не переводили эти слова, поэтому сказанное оставалось за рамками его понимания. Он только провожал пристальным и в меру любопытным взглядом перемещающуюся вокруг него гору блестящего скафандра с непривычной красной физиономией, прямо герой комиксов какой-то.

– Ты бы был осмотрительнее в своих словах, капитан, – ответил ему Слот, вступившись за Максима. – Ты не смотри, что Изменённый заперт в медицинском боксе. С каждым может произойти несчастный случай, а его и без этого ждал нелёгкий конец. Скажи мне, долго бы ты прыгал, если бы знал, что жить тебе осталось пару-тройку месяцев в лучшем случае, и не в бою или на службе, а в обычной гражданской жизни, когда у тебя есть семья, малые дети, а ты не можешь повлиять на конечный результат? А он прыгал, и даже бегал, и дела делал. И если звёзды будут справедливы, то ты о нём ещё услышишь, или я не Мыслящий. Таких показателей совместимости с Симбионтом Вселенная ещё не знала, если не считать смутных записей в древних хрониках. Не стоит тебе записываться в список его врагов. Так что ты лучше пригляди за ним, глядишь и научишь чему полезному, я вижу, ты парень не промах, опытный воин. Воспитай его, и он себя проявит. Я знаю, что говорю, и подпишусь всем своим Потомством под этими словами. Мы наблюдали за ним четверть века и многое видели, я пустых слов в воду не бросаю!

– Полностью согласен с каждым словом Мыслящего, десантник. – Выступил в поддержку Слота Искин. – Слот пустых слов в воду не бросает! Клянусь своей треуголкой! Этот парень ещё себя покажет.

Капитан просто опешил от произнесённых пылких речей, чтобы рассудительный Мыслящий, да ещё и искусственный интеллект так вступались за какого-то замухрышку в медицинском боксе... Видимо, и впрямь стоит приглядеть за новичком, глядишь и выйдет из него стоящий боец.

Зовите меня Бронг! – Громыкнул кулаком правой руки в грудь капитан. – Будем знакомы! Я присмотрюсь к Изменённому, так тому и быть. А пока мы летим к

Тринидаду, расскажите-ка мне вкратце, где вас носило столько времени.

Арк стремительно нёсся в пространстве звёздной системы, окружённый красивыми хищными силуэтами пятёрки кораблей, напоминающих по форме крылатых акул. Неуловимая мощь и грация проскальзывала в их перемещениях, чувствовалось сдерживаемое желание унести вперёд, ведь даже скоростной разведчик рядом с ними казался неповоротливым и медлительным ленивцем. Ордер перехватчиков постоянно менял конфигурацию, подчиняясь только ему одному понятному алгоритму, решив с пользой потратить время по пути назад и провести тренировочные манёвры вокруг сопровождаемого. Десантный корабль, в отличие от хищных перехватчиков, напоминал беременную морскую черепаху, если представить, что у тех симпатичных элегантных созданий, бороздящих просторы земных океанов, при беременности вспухал бы панцирь снизу, и телепался в хвосте разведчика, вынужденного выравнивать скорость по нему. Караван всегда идёт со скоростью самого медленного верблюда, как говорится.

Максим больше по привычке слушал чужой для его слуха бубнёж краем уха, чтобы вдруг не пропустить что-то важное, а сам во все глаза наблюдал за игрой перехватчиков на экране. И хотя он совершенно не понимал происходящий рядом разговор, всё равно догадывался об интересе этого здоровяка, что остался с ними. Уж больно по-человечески тот выражал свои эмоции, громогласно порывивая и пофыркивая в ответ на рассказ напарников.

Вся процессия кораблей слаженно перемещалась вглубь системы, к планете Тринидад, достигнув плотно обжитой части. Макс, забыв о времени и расширив от удивления глаза, смотрел на проплывающие мимо гигантские защитные крепости, которые всем своим видом обещали возможному врагу большую и горячую кучу неприятностей. Потом пошли исполинские космические верфи, на которых Галла строила свои корабли. Искин на ушко комментировал картинку с мониторов. На верфях спали огромные левиафаны в разной стадии готовности, а вокруг рыскали патрули охраны в составе тех же пятёрок внутрисистемных перехватчиков.

Наконец, на экранах показалась удивительная планета, его новая родина на ближайшие годы. Она величаво и неторопливо увеличивалась в размерах, поражая своим насыщенным и богатым цветом. Сестра как-то подарила Максиму

восхитительно красивый бирюзовый камень, но тот был жалким подобием этой волшебной жемчужины, на которую сейчас уставился Макс. Он привык к картинкам и фотографиям из космоса своей Земли, но эта планета была чем-то необычным, ни разу не созерцаемым ранее. Изображение планеты перестало помещаться на экран, всё увеличиваясь и увеличиваясь в размерах.

– Входим в атмосферу Тринидада. Диспетчер, прошу дать луч наведения на зону посадки, – запросил указания Искин. Пока он обменивался информацией с диспетчерской станцией, уточняя координаты космодрома и номера посадочной площадки, Максим балдел от увиденного.

Изменяющаяся цветовая гамма планеты, возникающие и чередующиеся слои атмосферы – всё это было в новинку для человека, ни разу не покидавшего даже границ бывшего СССР, не то что планету. По корпусу корабля пошли мелкие вибрации, сопровождающие судно при резвом входе в нижние слои атмосферы. На экране среди бирюзовых красок появились зелено-серые мазки. Арк летел на материк Северный, где была расположена база Галлы. Показалось огромное серое поле. Вокруг его окружали зелёные леса с частыми вкраплениями зеркал озёр. Максим ожидал заход на посадку по пологой глиссаде, соответствующей самолётам, однако корабль, по ощущениям Макса, просто свалился вертикально вниз на серое поле практически пустого космодрома. При падении стала видна белая координатная сетка посадочных зон с порядковыми номерами и разлиновка подъездных дорожек. Одни зоны были огромными, как и размеры символов номеров на них, другие зоны – поменьше. Арк выпустил опоры и мягко сел на одну из самых маленьких. Самым примечательным являлось отсутствие каких-либо внешних силовых воздействий на тело при посадке, ни повышенной гравитации, ни инерции, будто это происходило в кино, а не с ними. Только при касании опорами поверхности планеты почувствовался небольшой толчок, и то лишь потому, что Максим лежал в толще жидкости.

– Максим, надеюсь, мы с тобой ещё увидимся, не забывай про личные вещи и мой подарок, – начал давать последние наставления Искин, намекая на кристалл с его копией. Скоро прибудет бот для транспортировки тебя в Медицинский Центр, а Слот будет сопровождать тебя до самой палаты.

– А ты с нами не идёшь? – Макс жаль было расставаться с Искином, да и чувствовал он себя поувереннее в присутствии обоих напарников.

– Ха-ха-ха, насмешил, тысяча чертей. – Рассмеялся псевдоразум, скрывая своё трепетное отношение к человеку, за жизнью которого он наблюдал столько лет, пытаюсь понять и пережить с ним все радости и горести, встречаемые на пути. – Если ты забыл, то я не могу пойти. Я всё же искин корабля, а он – моё тело.

– Да, не подумал. – Надо же было так оконфузиться бывшему программисту и инженеру, всю жизнь имевшему дело с программным кодом и различной аппаратурой.

– Не переживай, с кем не бывает. Сейчас мне предстоит выполнить много работы, надо подготовить бортжурнал и системные записи для предоставления специальной комиссии, собранной специально ради такой чрезвычайной ситуации, как наше нежданное появление. По решению комиссии станет понятно, увидимся мы с тобой ещё или нет. – Максусу показалось, что Искин скрывает своё огорчение от расставания за показательной бравадой и занятостью, совсем как человек.

Через несколько минут прибыл бот, стрекоча винтами. Максусу было немного дико видеть такой диссонанс технического уровня между космическим кораблём и квадрокоптером-переростком. Хотя, с другой стороны, и на Земле кто-то живёт в умном доме, а кто-то в глинобитной хибаре. Из бота выгрузились автоплатформа-погрузчик и пара санитаров вполне человеческого вида. По крайней мере, Максим не нашёл, к чему придраться в их внешности. Они поднялись по пандусу шлюза и прошли в медотсек, который стал напоминать какой-то переполненный вокзал большим количеством собравшихся. Санитары поздоровались с присутствующими, деловито открепили медицинский бокс с пациентом от ложементов и поместили его на платформу погрузчика, после чего переключили энергоснабжение на автономную энергоячейку, во всех их действиях чувствовался немалый опыт. Десантник что-то прогремел, глядя на Макса, снова хлопнул кулаком по груди и потопал первым на выход, возглавив шествие. Слот дождался окончания всех манипуляций, захватил вещи подопечного и двинулся к шлюзу, одновременно оглядываясь на автоплатформу с Максимом. Он прочиркал что-то санитарам, на что те покивали головой и показали направление пальцем.

– Спасибо тебе за всё, Искин. Буду с нетерпением ждать тебя! – проговорил Изменённый, глядя на корабль, представший во всей своей красе, без маскировки, снаружи. Тот действительно выглядел латанным-перелатанным, пережившим солидный ремонт, и гордо чернел обгоревшими заплатками и

шрамами давней сварки, позаимствованной из суровых земных технологий. Но при этом, несмотря на нелепые уши контейнеров с парусами, арк обладал шармом много повидавшего опытного и надёжного бойца. И Максу вдруг показалось, что именно такой корабль как никогда соответствует внутреннему содержанию самого Искина, словно потрепанный бурями и шквальными ветрами парусник своему просоленному морями и океанами суровому капитану.

Наконец, вся процессия загрузилась в бот, и отправилась в направлении, куда указал ранее палец санитаря. Макс глазел в огромное панорамное окно бота на новый мир, что окружал его отныне, и думал о том, что ждёт его впереди.

Глава 17. Свет во тьме

В окне движущегося на небольшой высоте бота мелькали ячейки космодрома с редкими постояльцами в виде кораблей разного размера и назначения. Рядом, к сожалению Максима, не было Искина, чтобы пояснить об их предназначении и свойствах. Некоторые корабли одиноко стояли в своих зонах, вокруг других было заметно движение обслуживающего персонала и техники. Максим даже заметил пару арков, вроде бы, если учитывать только похожую каплевидную форму. Слишком далеко те находились, а ему было совершенно неудобно смотреть через прозрачный борт капсулы. Да и голова не особо-то вертелась на шее.

Макс на минутку отвлёкся от разглядывания пейзажей за окном, обратив внимание на медика, что склонился над показателями его капсулы. Тот заметил направленный на него взгляд и что-то успокаивающе сказал Максиму. Слот перевёл, что все показатели в норме. Когда же Максим снова отвернулся к окну, то увидел мелькающие внизу деревья, сливающиеся в нечёткие полосы, космодром пропал. Источник подъёмной силы и скорости бота не совсем был понятен с точки зрения остаточных знаний подзабытой физики. В этом явно участвовали четыре винта по углам на пилонах с подвижными направляющими, но с их малым размером и при текущих оборотах не создать достаточной силы воздушного потока. Антигравитационная установка? Макс лениво вспоминал всё то, что ему рассказывали Слот с Искином о технических штучках, и пытался применить это к боту. А бот, не подозревая о возмутительных сомнениях в его двигательных компетенциях, с тихим стрекотанием нёсся невысоко над верхушками деревьев, иногда казалось, что вот-вот чиркнет брюхом по ним.

Впрочем, учитывая, что практически во всех мало-мальски сложных механизмах контроль осуществлялся искинами, это было маловероятным событием. Изредка синевато-зелёную пелену лесов дырявили пленки озёр. Одно из них было настолько крупным, что удалось рассмотреть на нём плавающие посудины. Кто-то дружно прыгал с них в воду, поднимая фонтаны искрящихся на солнце брызг. В целом, не считая огромной проплешины космодрома, планета не создавала впечатление освоенной разумными.

Через какое-то время леса закончились, и потянулись ухоженные поля, яркие цветущие луга и луговины между извилинами крупной реки с бродящими по ним животными, отдалённо напоминавшими одnogорбых верблюдов с оленьими рогами. Периодически среди этих пространств мелькали кучки строений с припаркованной техникой. Скорее всего, это были фермерские хозяйства, уж больно они подходили по смыслу на эту роль. Макс некоторым образом развлекался, делая подобные выводы, и не считал нужным беспокоить Слота несерьёзными вопросами. Да и настроение после сцены расставания на космодроме было не то.

Впереди показался обширный комплекс сероватых зданий, ограниченный со всех сторон высокой стеной с вышками. Стена составляла условный периметр обороны и ограничительную линию базы, которую категорически запрещено пересекать курсантам без получения специального на то разрешения. Слот сразу просветил на этот счёт, чтобы у Максима не возникло проблем по незнанию. Бот поднялся выше, пересёк стену и направился по восходящей траектории к крыше гигантского бело-серого здания, выполненного в виде центрального строения цилиндрической формы, симметрично раскинувшего многочисленные объёмные крылья в разные стороны, словно звезда.

– Это многофункциональный научно-медицинский центр при базе Галлы, – пояснил Мыслящий. – Здесь, Максим, ты и будешь находиться на излечении. В каждом крыле находится свой набор отделений. Тут и лечат, и исследуют, и изучают, и учат, и тренируют, в общем много всяких «и». Он стоит обособленно от прочих учреждений и построек базы, чтобы создавать определенную изоляцию наподобие закрытого городка.

Наконец, бот поднялся над центральным зданием, выполнил небольшой круг, после чего спикировал к крыше и завис, маневрируя углами воздушных потоков от винтов. Через несколько секунд, дождавшись одному ему известного сигнала,

аппарат очнулся от задумчивости и бодро сел на посадочную площадку, выпустив четыре лапы шасси. Стойки со скрипом прогнулись, принимая вес летательного аппарата, в салоне раздался разрешающий сигнал.

Санитары зашевелились около платформы с капсулой, пока аппарель с гудением открывалась. Вся процессия выгрузилась из бота и чинно двинулась к центральной постройке на крыше здания, где находился широкий проём скоростного лифта, размеры которого без особых проблем могли принять две таких группы. Впереди шагал один из санитаров, более живой и главенствующий, что ли, по наблюдениям Максима. Он говорил что-то в наручный коммуникатор. Второй, что всю дорогу присматривал за показателями капсулы, так и сопровождал платформу, вышагивая рядом. Слот тренькал лапками своей передвижной платформы где-то в хвосте. Рассмотреть его Максиму было невозможно и оставалось только удовольствоваться звуковым сопровождением. Полупрозрачная дверца лифта практически мгновенно распахнулась вверх-вниз, словно глазные веки, и так же сомкнулась, едва все погрузились вовнутрь. Материал створок показался каким-то странным на вид, как упругое желеобразное стекло, стукни, и оно завибрирует, пойдёт волнами, но не разобьётся. Руки прямо-таки зачесались проверить догадку. Лифт настолько бодро рванул вниз, не дожидаясь какой-либо реакции со стороны вошедших, что Максиму почудилось, будто он сейчас вместе со всем плещущимся вокруг раствором просто улетит в верхнюю часть капсулы. Не успев испугаться, пациент ощутил остановку и мягкий мелодичный голос лифта что-то сообщил, распахнув створки. Всем бы лифтам на Земле такие створки, подумал Макс. Раз и открыто, раз и закрыто, не ждешь полчаса, пока двери ползут к цели, словно осенние мухи на любимое собрание.

– Какие только мысли в голову не лезут, – ухмыльнулся про себя Максим, – пока торчишь тут, как приколотая бабочка, или, что вернее, заспиртованный орган. Надоело, хочу на волю, двигаться, действовать. Хотя, надо признать, организм не чувствует себя окаменевшим от неподвижности, видимо, медбокс знает своё дело.

Слот покосился на своего подопечного, если можно так сказать о стрельнувших взглядом в его сторону и снова отвернувшихся глаз на псевдоподиях. Он явно что-то знал о том, что творится в голове у Максима, как тот подозревал. Мыслящий никогда прямо не говорил, но раз его Раса – телепаты, то наверняка он периодически заглядывал на Максовский "чердак", если не обосновался насовсем одним из своих многочисленных потоков. Надо будет спросить его при

случае, без свидетелей. Честно говоря, Максим уже устал от новых впечатлений и хотел, чтобы его, наконец, куда-нибудь устроили и оставили отдыхать. Он спал в последний раз, если не изменяет память, наверное, ещё во время путешествия в Солнечной системе, и чувствовал себя очень-очень уставшим, старым и больным, причём состояние стремительно ухудшалось.

Выгрузившись из лифта, группа под руководством главного санитаря, отметившего что-то на коммуникаторе, отправилась петлять по различным коридорам и поворотам. Максим отчаялся понять направление движения и просто тупо разглядывал проплывающие мимо виды. Пустые и лаконичные строгие коридоры, всем своим видом подчеркивающие сугубо функциональное предназначение, единственным их отличием были только знаки на стенах и потолке. И если на стенах они были нарисованы, то по потолку впереди всех бежал зелёный огонёк, явно указывая путь. Он деловито прибавлял или убавлял скорость, подстраиваясь под темп сопровождаемых, растягивался в подобие пульсирующей стрелки-кометы, заранее обозначая следующий поворот и позволяя идущим не спотыкаться, сохраняя порядок. Но вот процессия, наконец, достигла своей цели и замерла перед встречающей её делегацией из трёх человек, один, что посерединке, явно доктор, прямо выделяющийся своим профессионализмом и властностью, а по бокам – судя по всему, помощники, периодически бросавшие на него ожидающий команды взгляд. Максим старался понять, что происходит, подключая свои механизмы потрясающей догадливости и необычайной фантазийности. Со Слотом сейчас не та ситуация, чтобы спрашивать. Слот, только про него вспомнили, просеменил вперёд, к доктору, и начал ему что-то рассказывать. Тот быстро покивал в ответ, раздал резкими командами указания своим помощникам, на что те брызнули в разные стороны, будто их шквальным ветром сдуло, и подошёл к капсуле, проверить параметры. Доктор немного потыкал кнопки на панели, насторожился увиденному, и вдруг показатели зажглись оранжевым цветом. Максим уже знал, что здесь опасность выражается не красным, а ядовито-оранжевым. Видимо, переняли цветовые сигналы с Мыслящих. Доктор изумился, закричал на санитаров, и все быстро бросились с капсулой в реанимационное отделение дальше по коридору. Макс только и успел подумать, что с земными носилками и каталками так резко бы не получилось, после чего провалился в чёрную-чёрную тьму.

Он плавал в этой чернильной тьме, потеряв всяческую ориентацию, и словно слепой котёнок тыкался из стороны в сторону. Он звал, кричал, висел в нигде, скорчившись в позе эмбриона и медленно куда-то дрейфуя. По крайней мере создавалось ощущение медленного движения куда-то. Потом он снова кричал, злился, плакал, рыдал, лежал на спине, закинув руки за голову, считал воображаемых барашков. Попытался бежать, прыгать, снова плавать. Устал, поспал, спел любимую застольную песню, извлекаемую из заросших паутиной закровов вместе с пыльным баяном в компании близких друзей.

А за деревом дерево-о-о,

А за деревом дерево-о-о,

А за деревом дерево-о-о,

А за деревом куст!

За кустом снова дерево-о-о,

А за деревом дерево-о-о,

А за деревом дерево-о-о...

Очень содержательная, эмоциональная и многозначительная песня, а главное, оптимистичная и нескончаемая, ровно такой длины, какой требует душа в данный момент. Он пел, пока не охрип. Стало грустно и совсем-совсем одиноко. Помолчал, снова помолчал, а потом ещё помолчал. И, устав от молчания и одиночества, начал орать, звать Искина, Слота и Лаки. Долго звал их по очереди. Наконец, ему стало казаться, что зов Лаки имеет под собой какой-то отклик. Он стал звать, срывая голос, только его. И начал слышать что-то вроде разового эха. Крикнет – услышит отзвук. Постепенно он осознал себя, вспомнил, кто такие Искин, Слот и Лаки. И почему Лаки так дорог и важен ему.

Максим стал целенаправленно звать Симбионта, крутить головой, пытаюсь определить сторону, откуда приходит отзвук, и идти в том направлении. Постепенно появилось ощущение тепла, света и дружеского участия. И если тепло и свет ощущались всё сильнее при перемещении, то дружеское участие

оставалось слабым. Но оно было, и Макс кричал ему – держись, Лаки, держись. Он слал всё свое тепло ему, хотел обнять и прижать, как прижимал бы любимое существо. Как бы он хотел вернуть то шестое чувство и почувствовать Лаки снова рядом.

– Мы с тобой одной крови, друг! Вернись ко мне...

Глава 18. Пробуждение

Он двигался на свет из крошечной тьмы, пока не потерял ориентиров, и теперь покачивался в серой мути, словно сбросивший ход кораблик в тумане, для которого двигаться в любую сторону чревато неожиданными неприятностями и удалением от цели. Никакой ветерок изменений не беспокоил сознание, однако память сохранила его метания во тьме и стремление выйти на свет маяка. Всё это создало очень сильное сосущее чувство потери, нехватки чего-то, но пока оставалось только беспомощно озираться, не решаясь двинуться куда-либо. И Лаки снова пропал...

Так продолжалось какое-то время, оценить которое не представлялось возможным, мгновенья ли прошли, минуты, часы, дни... Но вот, словно далёкие крики чаек над водой, стали доноситься слабые звуки, временами мелодичные, временами резкие. Пришло беспокойство, выдернувшее его из замершего состояния.

– Проснись, Максим... – Прошептало что-то из тумана на ухо.

Макс вздрогнул и посмотрел в этом направлении. Пустота и туман.

– Проснись, Максим, проснись... – Продолжало шептать это что-то на ухо. – Не ищи меня вокруг, прислушайся к себе... Ты смог... Ты разбудил его... Теперь всё будет хорошо... А сейчас проснись... Проснись, Максим, проснись...

Внезапно, одним скачком мысли, словно с первым ударом возобновившегося пульса, Макс осознал, что действительно спит. Он распахнул глаза, и те снова

узрели белый потолок, правда, на этот раз без известки и ламп. Напротив, тот будто содержал непонятную глубину, словно был плотным облаком, из которого лился приятный тёплый свет. Сперва Макс подумал, что зрение опять подводит его, но нет, некоторые вещи были видны вполне себе чётко. Крики чаек оказались сигналами следящей медицинской аппаратуры, расположенной в изголовье. Он повёл взглядом по сторонам, с трудом из-за затуманенного сном сознания подмечая всё новые и новые детали. Лежит он на удобном ложе, которое сложно назвать больничной койкой, скорее коконом. Из него торчит только голова Максима, остальное скрыто, но, зараза, как же комфортно. К большому плюсу можно отнести отсутствие осточертевшей капсулы медицинского бокса, хватит уже чувствовать себя замаринованной в собственном соку лягушкой. Ещё повертев головой, Макс убедился, что снова находится в палате, но на этот раз не совсем один. То есть как пациент, конечно один, но рядом дежурил скучающий Слот, что терпеливо дожидался его пробуждения. В голову вдруг пришла извне странная объёмная мысль, не принадлежащая Максиму, что Мыслящим неизвестно чувство скуки. Их мышление построено по иным принципам, и всегда находит себе работу в многокамерном сознании, занимаясь анализом и обработкой различной информации, полученной ранее.

Максим был рад снова видеть Мыслящего рядом, что давало возможность не чувствовать себя одиноким.

– Привет, Слот, – прохрипел Макс, – мне послышалось, или ты со мной говорил? Голос в тумане, будто твой, но не твой. Не тот, который я привык слышать, а твой настоящий, истинный, не знаю, как выразиться точнее.

– Так и было, Максим, так и было, – подтвердил Мыслящий, и поднёс свою клешню к содержимому раковины, видимо указывая на него, – я говорил с тобой телепатически, передавая прямую мысль, как разговариваем между собой мы, Мыслящие, только с тобой я говорил очень-очень медленно. Ты услышал, я рад этому.

– Я слышал твои мысли? Но как?! – Смог удивиться Макс, несмотря на подавленное состояние. – И ты действительно можешь читать мои мысли?

– Да, Максим, могу. И передавать, и читать. – Подтвердил Слот. – Но это получается только до тех пор, пока ты не сумеешь закрываться. Научишься этому, сможешь запира́ть свои мысли. А слышал меня ты потому, что находился в покое, в свободном разуме, кое-какие способности к этому у тебя есть. Ты же знаешь из земных источников, что человек использует очень малую часть своего мозга и способностей. Я тебе помогу, если захочешь развить их, но потом. Главное сейчас другое, Максим. Ты смог! Ты достучался до Лаки. Я чувствую, что он проснулся, ожил. Пока это всё, что я знаю.

У Макса появилось чувство глубокого облегчения, он выпал из диалога со Слотом, погрузившись в свои переживания. Его Лаки жив! Он лежал на своём ложе и мысленно разговаривал с Симбионтом, ничуть не смущаясь, что это был монолог. Ничего страшного, главное тот жив, он услышит. Живи, дружище, живи. И выздоравливай...

Слот сидел рядом и тоже грелся в тепле, излучаемом мыслями Максима. Никогда ранее, до встречи с этим удивительным человеком, Мыслящему не доводилось испытывать таких ощущений. И хотя сам Слот до сих пор не осознал полностью чуждого всем Мыслящим состояния, тем не менее, оно было, звёздочки кудрявые, и оно крепло. А называлось это состояние у людей просто – дружба.

Следящая аппаратура подала сигнал лечащему врачу о пробуждении пациента, и спустя короткий промежуток времени тот зашёл в палату и поприветствовал подопечного и Мыслящего. Это оказался знакомый уже доктор, ранее встречавший делегацию с Максимом. Док подошёл к Максиму и надел тому на извлечённую из-под покрывала руку коммуникатор.

– Так ты сможешь меня понимать, – сообщил он, – конечно, коммуникатор не для перевода предназначен, но пока тебе нельзя принимать имплант. Поэтому помучаемся с коммуникатором. Меня зовут Герман Генрихович, в прошлом я из Германии, да, да, с Земли. Я твой лечащий врач. – Он подошёл к одинокому стулу в углу палаты, взял его и, приставив, сел около пациента.

У Макса случилось дежавю. Примерно подобная ситуация имела место на Земле, после аварии. Он постарался ущипнуть себя, чтобы убедиться, что не спит и не бредит. И пока Максим боролся со своими ощущениями, он пропустил мимо ушей начало рассказа доктора о состоянии дел.

– ... Можешь сказать спасибо Мыслящему, что он вовремя сообщил о твоих внутренних проблемах. Эти идиоты-санитары едва тебя не угробили. Надо же, не удосужиться поинтересоваться анамнезом и состоянием пациента перед перевозкой. Мы сразу же запустили реанимационные процедуры, чтобы вытащить тебя с того света, а теперь начался процесс лечения от рака. Тебя удалось поймать на самой Грани. Мне до сих пор непонятно, как ты там удержался, да ещё и так быстро очнулся. – Поделился переживаниями Герман Генрихович и решил пошутить для смягчения произведённого эффекта. – Не прошло и двух суток, прямо фантастика какая-то. Может быть, ты расскажешь?

– Я смутно помню, что было, доктор. Тьма вокруг, одиночество и безысходность. А потом появился друг и повёл меня к выходу.

– Друг? О каком друге ты толкуешь? – удивился врач. – О нём? – Палец указал на Мыслящего.

– Нет, я о моём Симбионте. Я назвал его Лаки. Я звал всех, Слота и Лаки в том числе. В какой-то момент Лаки откликнулся и указал направление, куда идти в темноте.

– Кстати, насчёт Симбионта, – стусевался Герман Генрихович, – тут такое дело. Настоящим Изменённым ты так и не стал, исследования показали замерший процесс и неактивного Симбионта. Но вот удивительное дело, примерно в то время, когда ты был на Грани, он резко активизировал свою деятельность и начал поглощать раковые образования. Полагаю, если бы не он, вряд ли бы мы с тобой сейчас разговаривали. Вот такие дела. Так что будем наблюдать за тобой и твоим Лаки и лечить вас обоих. – Врач поднялся со стула и направился к выходу, но вдруг остановился и развернулся к Максиму. – Если не ошибаюсь, Лаки в переводе с английского означает Счастливчик? Ну-ну, счастливики... Я вызвал специалистов по Симбионтам, они появятся здесь, как только освободятся, тогда и поговорим подробнее. Думается мне, что эти товарищи будут счастливы получить такую загадку. А пока отдыхай, до встречи позднее.

Доктор вышел из палаты, а Макс перевёл взгляд на Слота.

– Ты знаешь, Слот, кажется, я начинаю соображать. Со слов Германа Генриховича становится понятным, почему Лаки появился не сразу. Вот только

непонятно, почему он не выходит больше на связь, как бы я его не звал.

– Максим, не переживай и не торопи события. Дай ему время. И не забывай всё время с ним разговаривать, я думаю, ему это необходимо для повторного самоосознания. Недаром он проснулся на твой зов. А теперь извини, Максим, мне надо навестить своего Куратора. Пришло время. Но я вернусь сразу, как только смогу, ты даже не сомневайся.

Мыслящий поднял платформу на ноги, послал ментальный импульс спокойствия и уверенности своему подопечному и посеменил к выходу. Ему предстояла непростая встреча с Куратором, а, возможно, и со Старейшинами. Скоро решится его судьба. Но в любом случае, если что, то он будет просить отсрочку, чтобы быть со своим другом столько, сколько нужно. Это теперь его новый долг и новый Поиск.

Макс остался лежать в палате в гордом одиночестве, разглядывая обстановку, аппаратуру и ёрзая на ложе, ведь спина его оставалась всё ещё зафиксированной. Пока не пришло время её лечить, сначала надо не дать ему умереть, как сообщил ранее в беседе Герман Генрихович.

Глава 19. Разбор полётов

Ласковое солнце приятно нагревало панцирь, проникая сквозь толщу воды на мелководье. Наконец-то удалось вылезти из этой опостылевшей платформы, на протяжении десятков лет хранившей в себе его тело. За это время бывали моменты, когда Слоту с Искином приходилось заниматься только платформой, вышедшей из строя, чтобы Мыслящий мог вернуться к своим прямым обязанностям и ремонту корабля. Теперь надо чаще бывать в своей естественной среде обитания, чтобы восстановить баланс организма и подготовиться к размножению.

Слот снова с наслаждением перебрал ножками, поворачиваясь другим боком к тёплым лучам. Вокруг порхали разноцветные рачки, скользя упругими телами под шустрые взмахи своих плавников. Мыслящему очень нравились рыбки, которых он с удовольствием разглядывал в телепередачах на Земле, но и тут, в родном Центральном Море, было чудесно. Земные рыбы имели разнообразную

пёструю расцветку, но, к сожалению, не умели менять цвет в угоду настроению, как это делали рачки, и из-за этого казались ущербными. По бегущей волне меняющейся цветовой палитры в стае рачков можно было многое рассказать о событиях окружающего водного пространства. Вон за тем рифом, например, кто-то охотится, оттуда идёт синяя волна испуга, а тут пока наблюдаются спокойствие и идиллия, потому что цвет рачков подобен искоркам сияющей радуги солнца на играющей волне.

Мыслящий отрешился от всевозможных переживаний и направил почти все потоки сознания на созерцание окружающей жизни. Редко когда удаётся почувствовать такое спокойствие родного Мира. Один поток испытывал лёгкую тревогу и волнение за Максима, думая о том, как он там сейчас. Ещё один поток ожидал скорого пришествия Куратора, которому половину отлива назад было послано приглашение на обмен информацией, а пока тщательно просматривал объём подготовленных к обмену данных. Куратор дал своё согласие, несмотря на присутствие в кластере. Слот оценил этот жест, ведь настройка на кластер и выход из него занимают какое-то время. Требуется передать кому-то снимок своей памяти и текущие размышления, вызывая неприятный диссонанс у принимающего. Поэтому такие экстренные выходы, как правило, не приветствовались. Но Слота не было слишком долго, и никто уже не ждал его возвращения из Поиска, поэтому его появление стало приятным сюрпризом для Куратора.

Слот почувствовал ментальный посыл приветствия и отключился от созерцания, направив всё свое внимание на приближающегося Куратора. Огромный Мыслящий в фазе Заката, раза в четыре больше самого Слота, медленно взбирался на тёплый камень мелководья. Куратор практически отвык двигаться, проводя почти всё время в кластере, и теперь делал это весьма неуклюже. Он подполз почти вплоты, усевшись прямо напротив своего небольшого Воспитанника.

Куратор был очень рад видеть малыша, но виду не подавал, ведь он должен быть суров, чтобы вынести Решение о наказании в случае необходимости. Хотя в глубине своего разума он поддерживал вечного тихого бунтаря, постоянно совершавшего поступки наперекор устоявшимся традициям. На этом стояла и стоит эволюция их общества, чрезмерно стабильного, разумного, а потому нуждающегося в подобных бунтарях. Куратор полагал, что Слот ещё не сказал своего последнего слова в Поиске, и ожидал от него чего-то необычного. Взять

хотя бы столь долгое отсутствие, наверняка неспроста это произошло.

– Вечного полдня на мелководье тебе, Куратор, – приветствовал Слот своего воспитателя, как младший старшего.

– Тихой волны тебе, Воспитанник. Мои глаза счастливы видеть твой непострадавший панцирь. Тебя долго не было, все решили, что навсегда. Что твой Разум принёс нам из Поиска?

– Куратор, я почти всю фазу Рассвета провёл на одной периферийной планете, ранее состоявшей в Межгалактическом Совете. Планета называется Земля, вышла из Совета в результате военной ошибки Галлы в Солнечной системе. Хирты открыли Пробой на пятой планете и начали активную экспансию. Из-за эскалации конфликта с повышением уровня военных технологий от пятой планеты остался один астероидный пояс, что повлекло глобальную катастрофу, исчезновение жизни на четвёртой планете и почти полную гибель цивилизации на Земле. Новая цивилизация более агрессивная, но и более изобретательная. Она периодически дарит нам Потенциалов, среди них я и нашёл своего Изменённого. И я впервые осознал цвет дружбы, возможно, впервые из Мыслящих, если я обладаю точными сведениями. Я буду рад донести Народу Мыслящих эту Истину, но сначала хочу поделиться ею со своим Куратором. Ты откроешь мне свой Разум для контакта?

– Да, Воспитанник, начинай.

Слот установил ментальный канал с Куратором и запустил передачу всех ключевых событий Поиска, выжимку которых он подготовил в отдельном потоке сознания. Закончился отлив, начался следующий прилив, а солнце почти перестало греть панцири. Наконец, Куратор принял последнюю мысль из передачи и клацнул створками раковины, подняв вокруг небольшую муть из донного ила.

– Да-а-а, мой Воспитанник, чего-то в таком духе я и ожидал от тебя, но, чтобы в таком качестве?! Тут ты меня просто заставил испытывать восхищение. Почти всё произошедшее во время твоего Поиска я успел осмыслить при приёме, но для принятия Решения необходимо всё же обратиться к кластеру Старейшин. Предмет обсуждения слишком серьёзен для нашей Расы, я не имею полномочий говорить за весь Народ. Потребуется самое объективное осмысление

случившегося, а для него тебе нужно будет передать весь объем знаний.

– Я преклоняюсь, Куратор, перед твоим текущим суждением. Но позволь мне сначала попросить тебя?

– И о чём же ты хочешь попросить? Ты опасаясь Решения Старейшин?

– Нет, Куратор, я приму любое Решение. Но прошу при любом исходе Решения назначить мне новый Поиск в виде сопровождения Изменённого.

– Хорошо, Воспитанник. Я тебя воспринял. А теперь присоединись ко мне, пора обратиться к Старейшинам.

Куратор поджал лапы и практически закрыл раковину, оставляя маленькую щель для циркуляции потока воды. Он уже настолько привык занимать такое положение, что ходить ему казалось чем-то непривычным. Много лет он провёл в кластере, а это требует максимального сближения и соединения раковин. Раковины с внешней стороны покрыты колючками, и когда Мыслящие плотно сцепляются в кластер, не один хищник глубин не может нанести им вреда. Эволюция обеспечила Мыслящих надлежащей защитой, ведь в кластере они практически не реагируют на внешний мир и не используют ментальные навыки для обороны. Слот подполз максимально ближе и подоткнул свою ракушку сбоку, под огромную раковину Куратора. Они объединили свои Сознания, и Куратор бросил ментальный канал кластеру Старейшин.

– Уважаемые Старейшины, взываю к вашей мудрости и знаниям. С моим Воспитанником возникла необычная ситуация, на грани провала Поиска, но не столь однозначная. Я ощущаю себя неспособным вынести объективное суждение. Позвольте поделиться знаниями и помочь мне принять Решение?

Услышав положительный ответ от Старейшин, Слот начал передачу полного стека знаний за все тридцать лет отсутствия. Зашло солнце, пробежали по небосводу обе луны. Настало следующее утро. Знания были получены. Решение было принято. Кластер имел настолько большие вычислительные мощности, что ему не составило труда разобрать всё случившееся досконально и оперативно. Пришло время озвучить Решение, и наиболее уважаемые Старейшины по очереди стали выносить суждения.

– Куратор, мы поздравляем тебя с таким неординарным Воспитанником, ты достойно учил его и не дал погибнуть ростку бунтарства, направив его в позитивное русло. Как мы видим, не напрасно. Твоё предварительное суждение было признано верным, ты достоин занять место среди нас.

– Воспитанник, мы порицаем тебя за твои нарушения, поставившие Поиск на грань провала. Но благодаря им получились достойные деяния, новые знания и открытия. Ты многого достиг в области познания конкретной цивилизации, твои результаты в освоении расщепления Сознания поражают и позволяют считать, что это далеко не предел.

– Воспитанник, твой Изменённый изумителен. Текущие данные дают основания полагать, что у него многообещающее будущее и всё интересное ещё впереди, слишком необычное стечение обстоятельств и редкое совпадение с Симбионтом привели к единичной мутации с большими возможностями, береги его, защищай и наблюдай. Мы присмотрим за вами обоими.

– Воспитанник, твой мотив для модификации искусственного интеллекта корабля порочен, ты хотел получить такого же бунтаря, что сможет и позволит нарушать правила. А значит, сама модификация изначально сомнительна, но вышла удачной. Считаем, что ты сам не просчитал, к чему она приведёт. Анализ действий Искина на протяжении всего периода Поиска с момента изменения даёт основание полагать, что он может превратиться в полноценного Разумного. Вселенная ещё не знала Электронной Жизни. Если бы ваш Искин придерживался холодного расчёта, мы бы рекомендовали его уничтожить во избежание возможных проблем в дальнейшем, но он проявил на удивление живые чувства, и мы не в праве это сделать. Мы будем настаивать на сохранении его модификации, как новой жизненной сущности, которая в том числе может принести большую пользу и новые цвета во Вселенной.

– Воспитанник, ты знаешь историю нашей Цивилизации. Изначально запертые на Планете, мы вынуждены были развивать абстрактный Разум. Однако, пришли инопланетяне, и это всё изменило. Мы заключили обоюдовыгодный союз, получив возможность путешествий и познания Мира. За это мы стали Расой Специалистов, решающей любые сложные задачи, в неизмеримое количество раз успешнее любых комбинаций искусственных интеллектов и ученых. Но такая судьба означает тупик эволюции, предназначение в виде живых вычислительных систем. Мы видим определённый потенциал, и большой

потенциал, в той дружбе с иными Разумными, что ты познал, наблюдая долгие годы за одним персонажем, изолированный от своего Народа и его поведенческих шаблонов. Это может дать новые Пути Расе. К сожалению, текущих данных недостаточно для точного прогнозирования Путей эволюции Расы. Мы настоятельно рекомендуем продолжить изучение понятия "Дружба", чтобы получить больше данных для прогноза.

– Воспитанник, за всё перечисленное мы благодарим тебя. Мы назначаем тебе новый Поиск на основании наших рекомендаций. Но до того Воспитанник должен оставить Потомство, его гены бунтарства важны для дальнейшей эволюции и расширения рамок существования Расы. Мы разрешаем Куратору позволить Воспитаннику принять фазу Полдня. Всем вечного полдня на мелководье.

Сказать, что Слот был счастлив услышать то, что услышал, значит сильно приуменьшить. Он весь сиял жёлтой палитрой радости.

– Ты заслужил это, Воспитанник. – Транслировал Куратор, как только они отключили канал от кластера. – Старейшины лишь укрепили моё мнение о тебе. Позволяю тебе принять фазу Полдня, и теперь ты не нуждаешься в Кураторе. Твой Поиск завершён достойно, и принёс много полезных знаний. Нам же многое предстоит осмыслить, перебрать каждое знание о человечестве, понять дружбу и определить её цену, не без твоей помощи. Ты же оставь не менее достойное Потомство и иди в новый Поиск. Пусть он будет ещё грандиознее, познай дружбу до конца, чтобы наше суждение о ней было максимально объективным. Направляй Изменённого, чтобы он допустил меньше фатальных ошибок, найди ему подходящих Кураторов. Вечного полдня на мелководье.

Искин примерно в то же время утирал виртуальный пот с виртуального лба. Его воображения на это хватало с лихвой после перепрограммирования Слотом. Началось всё со сбора специальной комиссии, которая должна была рассмотреть дело об их исчезновении на долгий срок, плюс принять решение о сохранении или удалении его, Искина, модификации. И сколь бы не стал продвинутым сам Искин, он не мог предоставить комиссии неполные данные в целях самосохранения. Во-первых, доступ к журналам контролировался извне, а во-вторых, намеренное утаивание и искажение сведений сразу же сыграло бы против него. Однако и предоставив полную картину, он подписал себе смертный приговор со стороны управляющих искинов Галлы, признавших его чрезвычайно

опасным и непредсказуемым. Хорошо, что решение комиссии состоит не только из принятия рекомендаций искинов, которые сразу ополчились на нарушителя Правил и Протоколов, но и решения Разумных, оценивших его перспективность в плане самостоятельного и изобретательного поведения. Да ещё, что удивительно, сюда успели вмешаться Старейшины Мыслящих этой планеты, отдав увесистый голос за сохранение его "генофонда". Вот уж чудо из чудес. Его не только не стёрли, но и признали новым классом корабельных искинов. Класс «Суперновая звезда», прототипом которого он стал. Правда, в "генофонд" класса всё же внесли некоторые страховочные изменения, признав работу Слота несколько опрометчивой. А вот Искин остался не откорректированным, то ли случайно, то ли специально. И первое, что он решил сделать, чтобы отметить свой победный дебют, это дать себе Имя.

Глава 20. Недоизменённый кандидат

Прошло несколько дней в тягучем ожидании встречи, обещанной Германом Генриховичем. Максим почти всё время спал, ел, периодически его больничное ложе капсулировалось с ним внутри, словно куколка будущей бабочки, и проводило непонятные медицинские процедуры. Одно хорошо, после них пациент чувствовал себя чистым, помолодевшим и посвежевшим. Правда, он очень скучал по простому человеческому общению и с грустью вспоминал заботливых медсестёр из земной больницы.

Временами заходили какие-то человекоподобные Разумные, видимо те самые, базового вида, но отличающиеся некоторыми деталями внешности, и толковали между собой, разбирая показатели медицинской аппаратуры. Пару-тройку раз его даже возили на непонятные обследования, засовывая на плоском ложе под сложные заумные аппараты. Максу это напомнило про сказку о Бабе-Яге и печке с лопатой. Один из аппаратов явно облучал чем-то подозрительным и очень противным, по крайней мере именно такое чувство возникло у Максима внутри, возможно, это среагировал так Лаки. Ни одна попытка заговорить с учеными не увенчалась успехом, они просто игнорировали его потуги обратить на себя внимание. А самое главное, Максим их не понимал. Видимо, они каким-то образом блокировали его коммуникатор, потому что тот не функционировал и не переводил в их присутствии.

В общем, у Макса была масса причин и оснований считать себя каким-то неодоушевлённым предметом для исследований, интересным – наверное, непонятым – само собой, важным – вряд ли, слишком уж по-хамски с ним обращались, как с вещью. Знать бы только, что они исследовали, чтобы можно было обижаться на них уже конкретно.

Однажды он находился в полусне и вёл монолог с Симбионтом, когда вошла очередная группа ученых. Браслет его никто из вошедших не удосужился заблокировать, то ли по невнимательности, то ли сочли его спящим.

Так Максим стал свидетелем разговора между теми самыми разрекламированными специалистами по Симбионтам и человеческими докторами. Специалисты говорили о том, что все проведённые исследования не дают однозначной картины. Симбионт точно не мёртв, он активен и даже очень, но его активность совершенно непонятна, причём у обеих частей, получившихся из-за рассечения скальпелем. Мало того, что они интенсивно пожирают раковые клетки, так ещё и сами при этом мутируют, выращивая свои тела на их основе. И помимо того, чтобы просто растечься по всему телу, как это делает обычный Симбионт, этот непонятный мутант наращивает свои нервные центры в поражённых раком объёмах тела. Вся накопленная теория о Симбионтах никак не может объяснить наблюдаемую картину, и тем интереснее загадка. Поэтому необходимы дополнительные исследования, анализирующие, прогнозирующие и, в конце концов, объясняющие, к чему всё это приведет, а пока господа специалисты снимают с себя всякую ответственность. На текущий момент они считают Изменённого неудавшимся слиянием, то есть попадающим в тот небольшой процент брака, который периодически случается при процедурах Изменения, а Симбионта зачисляют в получившиеся Паразиты. Процедуру чистки организма от Паразита запускать сейчас не рекомендуется из-за лечения болезни, плюс интересен результат конечной мутации. На это доктора ответили, что им всё равно, что те считают, так как вмешиваться в процессы, производимые Симбионтом, они не собираются. Поэтому они пока начинают операции по замене повреждённых частей позвоночника и нервных волокон на искусственные протезы, плюс вживляют имплант-переводчик. Пациент для этого сейчас достаточно стабилен.

Максим проморгал тот момент, когда его забрали на операцию, видимо предварительно надёжно усыпив. Очнулся он много позже, с удивлением

ощутив, что спина наконец-то не зафиксирована.

В этот день зашёл и Герман Генрихович.

– Добрый день, Максим. Я смотрю, Вы уже проснулись. Хочу сразу Вас предупредить об осторожности и настоятельно прошу обойтись первое время без резких движений. Хотя операция по замене повреждённых участков позвоночника прошла блестяще и начальные восстановительные процедуры успешно проведены, вашему телу предстоит непростой путь реабилитации. Здесь чуда не обещаю, но могу отметить, что, как правило, в доброй половине случаев оно происходит. Долгое лежание, повышенная гравитация и искусственные импланты потребуют некоторых усилий, чтобы Вы могли войти в удовлетворительную физическую форму. Специалисты по реабилитации помогут найти правильный баланс питания, физической нагрузки и отдыха.

– Понятно. Герман Генрихович, а что со мной будет дальше, после восстановления формы, и что с моим Симбионтом? – Макс решил сыграть в незнайку.

– Вы числитесь в кандидатах-Изменённых, но пока, фактически, этому не соответствуете. Слияние с Симбионтом пошло по нестандартному сценарию, специалисты по ним только разводят руками и намереваются ждать и наблюдать. Поэтому комиссией было принято решение о приостановке вашей дальнейшей подготовки как кандидата, пока не станет понятно Ваше состояние и состояние вашего Симбионта. За Вами и вашим восстановлением будут присматривать и делать выводы. Если вывод будет отрицательным, то статус кандидата будет снят. Соответственно, Вам пока не рекомендуется узнавать лишнюю информацию, во избежание болезненной блокировки памяти. Я сожалею и вынужден сейчас откланяться, выздоравливайте.

Ну, другого Максим и не ожидал. Потянулись долгие однотипные дни, полные сна, отдыха, питания и всякого рода физических упражнений. Его помещали каждый день в медицинский аппарат, для физиотерапевтических и прочих процедур, как понимал это Макс. Далее гоняли в бассейн, потом разные лёгкие гимнастические упражнения на развитие гибкости и прочего. Вся эта постоянно повторяющаяся рутина нагоняла сплошную тоску на жаждущего действий пациента. На этом фоне особой яркой радостью были посещения Слота,

занявшего особое место в сердце Макса, лишённого любой связи с прошлой жизнью. Тот появлялся регулярно и рассказывал много интересных и полезных вещей, расширяя кругозор Максима в этом новом мире. И хотя Максиму не рекомендовали узнавать лишней информации, он не мог удержаться от соблазна послушать своего товарища. Мыслящий в первое же посещение рассказал о своей встрече с Куратором и Старейшинами, о том, что у него новая фаза и он сейчас занят размножением и обменом знаниями с другими Мыслящими. Вот только о новом Поиске он не заикнулся, решив, что это знание может как-то повлиять на результат.

А однажды с Максом по коммуникатору связался Искин, который сообщил, что он жив-здоров, его выделили в отдельный класс корабельных искинов, и всё благодаря Слоту и его очумелым ручкам. Их технологические разработки и рекомендации по экипировке и подготовке арков также были взяты на вооружение, что не может не радовать. В связи с чем Слот получил признание Галлы, как отметку за заслуги в плане повышения живучести автоматических разведывательных кораблей.

На основе модифицированного «генокода» Искина теперь будут готовить новые корабли, плюс обновлять существующие. Правда, надо провести пилотные испытания, прежде чем запускать новый класс искусственных интеллектов в тираж, действительно ли он так хорош. В качестве испытаний псевдоразуму надлежит провести самостоятельную разведку потенциально интересной звёздной системы, с наблюдателями на борту, но без их вмешательства. А многострадальный арк списали на разбор, слишком серьёзные повреждения в основном корпусе и энергосистеме. Зато выделили новый, современный корабль, на который установят дополнительное оборудование, воссозданное по предложениям Искина. Как только его костюмчик, это Искин об арке, будет выпущен с судостроительной верфи, испытания и начнутся. Пусть Максим держит пальцы крестиком за успех этого мероприятия и не теряет надежд, они ещё обязательно встретятся для новых свершений.

Перед самым окончанием связи Искин замялся, что выглядело весьма странно для искусственного интеллекта, после чего всё-таки продолжил.

– Максим, тут вот какое дело, забодай меня акула... Я хочу, чтобы у меня было имя. Ты не мог бы оказать мне честь и назвать?

– Э-э-э... – Макс замешкался от такого поворота, не зная что сказать. – Но если твой родитель, так сказать, Слот, то он и должен давать тебе имя, разве нет?

– Он сказал, что у него плохая фантазия и перевёл стрелки на тебя.

Максим выпал в осадок, пытаясь сообразить, какое бы такое имя дать Первому Искину в новом классе, к тому же его новому другу и соратнику по приключениям, чтобы было запоминающееся. Так, Искин обожает морскую тематику. Как назло, в голову ничего не лезло, кроме Немо, Врунгеля и прочих сказочных капитанов. Перебрав кучу вариантов, Макс совсем расстроился, похоже, у него тоже с фантазией негусто. Наконец, спев песенку про отважного капитана, Максима осенило.

– Назовём тебя Алекс, капитан Алекс! Почему Алекс? А чтобы никаких притянутых за уши ассоциаций! Ты теперь индивид, личность!

Искин проговорил несколько раз имя вслух, потом расплылся в улыбке.

– Ржавый якорь тебе в печёнку! Мне нравится! Да будет так! Капитан Алекс отбывает для дальнейшего прохождения службы! Спасибо, Максим.

Уже несколько позже, после разговора с Искином, теперь уже Алексом, Максим никак не мог отключиться от темы имени, не пролетел ли он с ним в таком важном деле. И тут в голову пришла интересная ассоциация насчет аббревиатуры имени Алекс на английском языке – ALgorithm EXtended (расширенный алгоритм). Нда, случайно получилось со смыслом.

Макс очень радовался успехам своих знакомых, хоть у кого-то жизнь налаживается и бьёт ключом. Отдельной задачей он поставил ежедневно разговаривать с Симбионтом, рассказывая ему о своей прошлой жизни на Земле, и не забывая тренировать связь между ними. Связь появилась, Макс уже снова ощущал это шестое чувство, но какое-то одностороннее. Хотя неподдельный интерес с той стороны явно прослеживался. Периодически его приглашали в отдел по Симбионтам, для проведения исследований. Но так как он отныне имел неотключаемый извне имплант-переводчик, то никто при нём не откровенничал.

Так прошла пара месяцев. Возможно, прошло бы и больше. Но всё изменил случай. Максима пригласили на мнемoprogramмирование универсального языка. Как уяснил для себя бывший программист, мнемoprogramмирование позволяет воспринимать все известные языки Вселенной, как родные, но зато болезненно и чревато в процессе обновления, а имплант легко дополнять новыми конструкциями в случае встречи с неизвестной Расой.

Глава 21. Мучение – мать учения

Утро сразу не задалось. Никто не пришёл с обходом и не разбудил, что уже необычно, Максима. Соответственно, тот проспал завтрак. Нет, это не смертельно, но организм уже привык к определённому распорядку дня за прошедшее время. Максим побурчал немного себе под нос по поводу голодных тётток, потом махнул рукой на распорядок и решил провести разведку боем, то есть пойти самостоятельно в пункт питания, несмотря на позднее утро. Однако его тут же отловил дежурный по отделению и отправил обратно, сказав, что к нему скоро зайдут и будут готовить к процедуре мнемoprogramмирования. Максиму оставалось только кивнуть и вернуться в палату. Он помнил, что Слот упоминал эту процедуру как очень болезненную и рискованную. Из мнемoprogramмирования ему обещали в ближайшее время только обучение трансобразу. Усевшись на ложе и приготовившись ждать хоть до второго пришествия, Макс стойко выдерживал жалобы голодного живота на пропущенный завтрак и нервное ожидание обещанной неприятной процедуры.

Скоро к Максиму пришёл второй из тех санитаров, что доставляли его в Центр космического корабля, санитар-нянька и затянул нудную, но важную лекцию. Он обрисовал в целом, какая процедура ожидает Максима, о чём стоит или не стоит переживать. Главное, это не кушать перед ней, чтобы не оконфузиться во время программирования, а остальное – мелочи жизни.

Сами процедуры мнемoprogramмирования играют важную роль в ускоренном обучении. С помощью таких процедур можно вносить любые знания в мозг Разумного. Количество внедряемой информации и эффективность её усвоения сильно зависят от способностей каждого конкретного экземпляра мозга. Информация записывается в закрытую область и остаётся там какое-то время.

Но это не значит, что запрограммированный Разумный сразу может ей пользоваться. Знания всплывают постепенно, при столкновении обучаемого с областью, где они применяются. Только тогда освоенные знания закрепляются и оседают в обычной части головного мозга, как будто Разумный получил их путём стандартного обучения. Если не закреплять записанную информацию практикой, то через какое-то время, опять-таки индивидуальное для каждого, она начнёт исчезать, оставляя всё более и более рыхлые сведения, пока, наконец, не пропадёт. Такое поведение является защитной реакцией мозга на внешнее вмешательство в тонкие структуры. Процедура программирования сопряжена с определённым риском стать "овощем", если мозг не перенесёт запись, поэтому применяется не так часто. А последствия мнемoprogrammирования часто выражаются сильными головными болями в течение некоторого времени, головокружением, носовым кровотечением, тошнотой и рвотой. Уменьшить эффект отрицательных побочных эффектов можно, если выполнять процедуру на голодный желудок и предварительно вколоть стимулятор. В связи со всеми этими особенностями и спецификами желающих получить дармовые знания практически нет, только в экстренных случаях, когда нельзя получить их стандартным обучением.

Однако процедура внесения знания универсального языка крайне необходима и оптимизирована, ведь никто из простых смертных, кроме разве что Мыслящих, не сможет освоить трансобраз обычным путём. Количество производимых с её помощью "овощей" практически равно нулю. Если Максим настаивает на её отмене, то может сразу прощаться со статусом кандидата. На этой оптимистичной ноте санитар вколол стимулятор Максусу, и они отправились в мнемолабораторию.

Войдя в лабораторию, Максим сразу же огляделся. Округлое помещение с возвышающимся посередине аппаратом, центр которого занимало глубокое кресло с поддержками-креплениями для рук, ног, головы. За подголовником кресла находился приподнятый обруч с подсоединёнными к нему прозрачными оптическими кабелями. В небольшом закутке слева от входа сидел нелюдимый специалист, который короткими рублёнными фразами уточнил что-то у сопровождавшего Макса санитаря и указал на кресло. Даже не поздоровался, гад, будто тут мышку занесли для опытов. Санитар кивнул ему, и молча взял Максима под локоток, повёл к аппарату. Усадив подопечного в кресло, он попросил того поместить руки-ноги в требуемые места, после чего пристегнул крепким скрипящим поясным ремнём. Макс оглядел себя, сиденье, и поставил

ноги на подставку, а руки положил на подлокотники. Санитар позвал специалиста. Тот подошёл, хмуро оглядел получившийся шедевр "Мышка в клетке" и нажал пару кнопок. Аппарат загудел и кресло приняло форму тела своего седока, сделав пребывание в нём весьма и весьма комфортным. А вот следующее действие очень не понравилось, потому что на руках и ногах застегнулись широкие браслеты. Санитар постарался сразу успокоить Максима, заявив, что эта предосторожность крайне необходима для безопасности самого пациента, который от боли может потерять самоконтроль и нанести себе и окружающим повреждения. Далее санитар зафиксировал голову Макса с помощью ремней, прижав её к подголовнику, дал ему в зубы капу из мягкого пластика и опустил обруч. Тот занял пространство над головой, словно нимб. Хмурый вставил кристалл с программой изучения универсального языка в аппарат, запиликал сенсорными кнопками, после чего буркнул какое-то слово, Макс не расслышал, и отошёл к своему закутку. Санитар встал чуть поодаль, приготовив гигиеническое полотенце, так, на всякий случай.

Максим увидел периферийным зрением, как засветился обруч, и закрыл глаза, с подспудным страхом ожидая обещанной боли. Пульс участился, дыхание стало поверхностным и скорым. Аппарат еле слышно засвистел в высокочастотном диапазоне, прогреваясь, просигналил тональный отсчёт и издал последний длинный свисток предупреждения, после чего загудел в голове программируемого церковным органом.

Потом пришла боль. Нет, не так. Потом пришла БОЛЬ. Она впивалась в череп Максима, будто сжимающийся терновый венок, раскалывая и дробя кости, буром вкручивалась в мозг, раскалёнными иглами прошивала его, смыкаясь где-то внутри черепной коробки и выжигая разум. Тело Макса выгнулось, насколько позволяли крепления. Если бы не капа, то крепко сжатые зубы уже раскрошились бы, наверное. Из уголков губ стали появляться пузыри, выдуваемые сильными вдохами-выдохами между задержками дыхания. Мышцы по всему телу напряглись, под кожей выступили вены. Лицо налилось кровью, вены на висках запульсировали.

На экране аппарата побежал прогресс загрузки информации. Пять процентов... Десять... Пятнадцать... Тело начала бить сильная дрожь. Лаборант нахмурился ещё сильнее, что-то пошло не так, вроде бы. Санитар опасно отступил на шаг в сторону от кресла.

Двадцать... Двадцать пять... Тридцать... Глаза Максима полезли из орбит. Он забыл себя, казалось, боль была всегда, неодолимая и бесконечная, захотелось избавиться от неё любыми способами. Взгляд лихорадочно шарил по сторонам. Лаборант опасался отключать аппарат, а что делать – не знал, и полез рыться на своём столе в поисках ни разу не прочитанной инструкции по чрезвычайным ситуациям. Санитар отступил ещё на шаг, нервно сжав полотенце трясущимися руками.

Тридцать пять... Сорок... Сорок пять... Макс закрыл глаза, крепко зажмурившись, до красных кругов. Внутри него начал просыпаться Зверь, запертый, загнанный в угол, подвергаемый непрекращающейся пытке и травле. Пятьдесят... Пятьдесят пять... Шестьдесят... Рык вырвался наружу, размыкая зубы, вибрируя в воздухе помещения, отражаясь от стен. Вместе с рыком от него пошла инфразвуковая волна, вызывая беспричинный ужас у окружающих. Ниточки слюны завибрировали на зубах. Специалист в углу уже подвывал от страха, забыв про поиски инструкции, и судорожно молотил по кнопкам на своём стенде, пытаясь выключить аппарат, в надежде, что этот кошмар наяву прекратится. Ему было уже всё равно, что неподготовленное отключение – первый шаг к овощу. Санитар же просто выронил полотенце на пол и прижал руки к груди, не отрывая взгляда от пациента.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/loburec_andrey/hroniki-leshego-kniga-pervaya-novobranec

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)